

16+

Артем Головин

АПАТРИД

на стыке эпох...

Артем Головин

Апатрид

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Головин А.

Апатрид / А. Головин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08190-1

Пишу эти строчки описания жизни обычного человека, рожденного обычной матерью, должно прожить обычную жизнь. Но нет... Порой написанное кажется таким нереальным, фантастическим, - но это реальная жизнь человека, который волею судьбы, или как там по-настоящему называются неведомые силы, оказался на розе ветров фортуны и выживает, несмотря ни на что...

ISBN 978-5-532-08190-1

© Головин А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1 Первый стресс	7
Глава 2 Запахи детства	8
Глава 3 Правнук попа	10
Глава 4 Каникулы в деревне	11
Глава 5 Первые знания	12
Глава 6 Усыновление	13
Глава 7 Армейская ступень	14
Глава 8 Разочарование	20
Глава 9 Кооператор	21
Глава 10 Новый друг	22
Глава 11 Встреча с отцом	23
Глава 12 Погромы	26
Глава 13 Развал СССР	29
Глава 14 Москва	30
Глава 15 Бандитский Арбат	31
Глава 16 Лида	35
Глава 17 Обман	37
Глава 18 Отъезд в Ригу	40
Глава 19 Жертва афериста	43
Глава 20 Тюрьма	45
Глава 21 ГКЧП в Москве	51
Глава 22 Первый сын	53
Глава 23 В Польшу	54
Глава 24 Комбинат	56
Глава 25 Вопреки судьбе	58
Глава 26 Мутные времена	60
Глава 27 Предательство	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Посвящается Натали...

Где та грань человеческого сознания, которая отделяет нас от сверхъестественного? Такой вопрос не раз возникал в умах человека на стадии познания чего-то незнакомого, неизведанного, неподвластного нашему пониманию. Порой, сталкиваясь с таинственным, мы для простоты понимания обволакиваем это нечто во что-нибудь более понятное для нашего разума и которое поддается объяснению на уровне тех познаний, приобретенных человечеством, заполняющих наш мозг, но заметьте, всего на 16% его реальных возможностей. Мы не знаем всего, что нами руководит, ведет по жизни, убивает, дает жизнь, делает неуязвимым и наоборот – подверженным всем несчастьям...

Пишу эти строчки описания жизни обычного человека, рожденного обычной матерью, должному прожить обычную жизнь. Но нет... Порой написанное кажется таким нереальным, фантастическим, – но это реальная жизнь человека, который волею судьбы или как там по-настоящему называются неведомые силы, оказался на розе ветров фортуны, и выживает, несмотря ни на что...

Все события, описанные в этой книге, – реально происходили в жизни героя повествования. Изменены только имена и фамилии, чтобы не навредить тем людям, которые, тесно связаны с этими событиями, и не навлечь на них каких-либо бед...

Пролог

Стояла осень 1969-го года. Обычное для старого Баку время – с завывающими ветрами, обломанными ветвями старых тополей и ив, посаженных вдоль улиц, оборванными линиями электропередач, из-за чего часто по вечерам не бывало освещения. Старые купеческие дома, выстроившись в ряд своими причудливыми формами в стиле барокко, создают длинную, с одиноко стоящими у ворот домов «москвичами» и «жигулями», улицу. Точильщики ножей и сборщики старья, как муэдзины*, тягуче выкрикивая – «... старый хлеб...!!! ножи...!!! старые вещи...!!!», уныло бредут по улице, изредка заворачивая во дворы на оклики жителей домов. «Итальянские*» дворы в этих домах с причудливыми деревянными лестницами, уходящими куда-то на верхние этажи и опоясывающими весь внутренний периметр дома.

Натянутые бельевые веревки с простынями и наволочками, напоминающими надутые паруса бригадиров и рыбацких шхун. Внутри двора в одной из квартир, в входную дверь которой упирается одна из змеевидных лестниц, тускло горит свеча, слегка оттеняя играющими

**муэдзин – в исламе служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву*

**итальянский двор – небольшой двор, находящийся обычно внутри старинного особняка, в котором все входные двери квартир выходят непосредственно во двор.*

бликами огня углы большой комнаты. За круглым, покрытым накрахмаленной белой скатертью, столом в центре комнаты сидят трое: восточная женщина лет 25–30, мужчина примерно такого же возраста и ребенок-мальчик лет пяти с кучерявыми взъерошенными волосами. Отблики пламени вырывают из кромешной темноты то скудную обстановку комнаты, то лица людей.

– Дядя Фархад, спасибо за тетради, – произнес пацан, глядя рукой разлинованные строчки чистых листков с каким-то плохо скрываемым чувством детского восторга.

– Не стоит, это чтобы ты хорошо учился, – сконфужившись от возникшей ситуации, пробормотал мужчина.

– Он будет у нас хорошо учиться. Ему еще два года до школы. Читать мы уже умеем, остается письмо, теперь он будет учиться писать, да, Арсен? – сказала темноволосая, красивая женщина с чувством гордости за сына, перечитывающим все газеты у соседа, – дяди Толи с первого этажа.

– Арсенчик, теперь дядя Фархад будет жить с нами, и ты можешь называть его папой, хорошо? – выдохнула женщина, как будто скидывая тяжелую ношу.

Баку. 1969 год. Начало этой обычной, и в то же время непостижимой для простого ума, истории человека, волею судьбы оставшимся ненужным между границами нескольких, некогда родных ему, государств...

Глава 1 Первый стресс

Родители устроили Арсена в детский сад. Общительный и любопытный, он своим пытливым умом создавал немало проблем воспитателям. Однажды какая-то из них в назиданье другим детям и огромным желанием наказать его за проделки, заперла пацана в помещение для раскладушек. Там было темно и страшно ему, наверное. Его заперли перед полуденным сном и забыли. Вспомнили, когда Аида пришла его забирать после работы. Открыв дверь, воспитатель увидела забившегося в угол ребенка, с лицом, залитым слезами и держащим кулачки около подбородка. На все вопросы и слова он что-то мычал в ответ и широко раскрыв рот, пытался что-то сказать. Слов не было... Говорить, страшно при этом заикаясь, он стал месяца через два после многочисленных визитов к знахаркам и врачам-логопедам. Воспитателя уволили, но Арсен до десятого класса в школе страшно мучился с устной речью на уроках и сильно комплексовал в кругу своих сверстников.

Глава 2 Запахи детства

Старый Баку амфитеатром расположился вокруг Апшеронской бухты на склоне возвышенностей. Одно и двухэтажные дома кучно собрались вдоль небольших улиц и представляли собой издали нечто похожее на пирамидки вырезанных из песчаника и сложенных камней, ракушечника в основном. Мечетей в городе было две. Их величественные купола и высокие минареты возвышались над близлежащими домами. В четырех кварталах ближе к центру была одна из двух православных церквей. А еще дальше, практически в самом центре города располагалась небольшая армянская церквушка. Изредка встречались дома из тесанного камня, но до революции это были дома богатой части населения города, и они располагались ближе к центру города. А дома рабочего люда начинались как-то сразу после каменных и были в основном из ракушечника. Главной улицей там была ул.Извозная, в постсоветский период переименованная в Советскую. Еще с послевоенных лет там, по иронии судьбы, обосновались мелкие спекулянты, торгующие импортными сигаретами, жвачками и всяким другим нелегальным товаром. Ароматные запахи свежеспеченного хлеба в тендерах, приятно щекотали нос и поднимали аппетит. С утра в очереди за горячими лавашами выстраивалась очередь из детишек, посланных за хлебом к завтраку. В некоторых решетках окон, смотрящих на улицу, были прорезаны небольшие отверстия, куда в аккурат пролазила рука с пустой банкой с двадцатикопеечной монетой на дне. Здесь продавали мацони. В этом районе в основном жили азербайджанцы. Более крупные дефицитные товары, в основном из одежды, мебели продавались в районе города Кубинке, где обосновались в основном горские евреи. Армяне, русские здесь практически не жили. Домики, в которых пекли вкусные лаваша в тендирах, располагались по соседству со всякими мастерскими, парикмахерскими, маленькими магазинчиками. И разбавлялся весь этот восточный колорит снующими торговцами мороженым и напитками. Изредка было заметно выглядывающих из подворотен мужчин, высматривающих милиционеров, и продающих импортные сигареты, жвачки и анашу*. Стоял жаркий летний день. Спасавший от жары ветерок в этот день куда-то пропал, растворился в лабиринте маленьких домов, улочек и переулков. В одном из таких домов ждали гостей.

– Это мой сын, Арсен, – скромно произнесла Аида, слегка подталкивая мальчика к пожилой женщине, протянувшей свои окрашенные хной руки в приветствии.

– А это Алма-ханум, теперь твоя бабушка, – улыбаясь, с акцентом и коверкая русские слова, сказала женщина, обняв мальчика.

– Это дядя Саид, это тетя Айгюн, это тетя Севиндж, это тетя Афет, тетя Ирада, представляла она своих, уже постарше детей, братьев и сестер папы Фархада.

– Теперь ты будешь часто приходить к нам, и играть во дворе с детьми. Только они не знают русского языка и тебе придется учить азербайджанский. И имя надо тебе придумать наше, а то как-то слух режет, – констатировала свои слова новоиспеченная бабушка не терпящим пререканий голосом.

**анаша – Наркотик из высушенных листьев определённых сортов конопли*

– Да, Аида? – вопросительно утвердила она.

– И тебе надо выучить наш язык. А звать я буду Арсена – Аслан. Так мне приятней. – Алма-ханум для приличия приобняла молодую жену своего старшего сына. Так, с легкой руки названной бабушки в жизни Арсена впервые появилось имя Аслан, которое сильно повлияло на его дальнейшую судьбу.

Конечно, она бы хотела Фархаду более лучшую партию из многочисленной родни, но он оказался непоколебим, на долгие шесть месяцев уйдя из дома, женившись на разведенной с ребенком, да еще и армянке. Сыграв свадьбу в узком кругу приглашенных друзей, Фархад и Аида стали жить на квартире у тещи. Отчим, закончив рыбный техникум, работал технологом

на рыбоконсервном заводе в пригороде Баку на берегу Каспийского моря. Аида тогда училась в педагогическом техникуме и подрабатывала агентом в Госстрахе. Их брак вызвал много пересудов, как у новых родственников с азербайджанской стороны, так и с другой, не менее многочисленной, – армянской. Недовольных этим браком хватало с обеих сторон.

Глава 3 Правнук попа

Аида была дочкой очень уважаемой женщины, – Егануш. Тетя Лена, – так многие соседи, знакомые и коллеги по партийной работе называли ее по-простому, так было им более созвучно. Выйдя на пенсию, Егануш, оставив свою квартиру молодоженам, и купив в родном селе Варташен (сейчас Огуз) домик, переехала туда навсегда. Поближе к земле, всегда об этом мечтала – как говорила она. Проработав в партийной системе на должностях еще со времен войны, получив от государства персональную пенсию, ее потянуло на родину, в красивый район в предгорьях Большого Кавказа. Ее родители появились там, бежав из Турции после страшной резни в 1915 году*. Отец был попом в армянской церкви в одном из пригородов Стамбула еще до бегства в Азербайджан. Мать была дочерью мануфактурщика. Рано выйдя замуж по выбору отца, тетя Егануш с мужем не прожила и года. После рождения Аиды, гордая и своенравная, она не позволила мужу Арсену портить ей и дочери жизнь своим разгульным характером, и развелась. Работая тогда уже в партийном аппарате, она всю свою последующую жизнь посвятила работе, доработав до секретаря райкома партии так больше и не выйдя замуж. Мать у нее умерла рано, и отец пережил ее всего на три года. В их семье был приемный сын, – Бахыш, которого отец Егануш – Петрос нашел по дороге из Стамбула возле разграбленной повозки. Петрос его вырастил, как своего и вскоре женил, и молодые родили пять детей, для которых тетя Егануш до конца жизни была преданной, заботливой, но строгой тетей. Они все звали ее ласково – Баджи (Сестра).

**резня в 1915 г. – физическое уничтожение и депортация армян на территориях, контролируемых властями Османской империи*

Глава 4 Каникулы в деревне

Поселок уютно расположился среди малых гор предгорья Кавказа. Горы, возвышаясь вокруг селения, были покрыты густыми лесами, и на одной из трех вершин круглый год виднелась снежная шапка, напоминающая чепец новорожденного. Во дворах росло много роз, и их аромат развеивался по всей округе, дав название селу – «Розовый сад», Варт ашен по армянскому. Горная река, протекающая по окраине большого села, образовывалась из многочисленных ручейков, змейками вытекающих из глубины горных пород. Река была излюбленным местом местной детворы, которая в дневную жару находила себе убежище в прозрачной, холодной воде. Стоял визг и хохот, смех и крики и все это многоголосье на различных языках. Здесь компактно уживались азербайджанцы, лезгины, удины и армяне.

Арсен, приезжая на летние каникулы к бабушке, готовился еще с зимы. Многочисленная родня с бабушкиной стороны также ждала гостей из Баку и Сумгаита, куда по воле судьбы перебрались некоторые из них. Многие из деревенской родни плохо разговаривали на русском языке, и ему пришлось учить и армянский, и удинский. Азербайджанский он изучал в школе и во время игр и общения с детворой во дворе и на улице в Баку. Во всех семьях армянской родни было много детей и когда они собирались вместе, это место напоминало муравейник. Расползаясь по большому фруктовому саду, детвора вскарабкивалась на деревья и с восторженными возгласами обносила тутовники, черешни, вишни и груши. Радостных хлопот хватало у всех. Это было счастливое время с красочными самобытными свадьбами, семейными торжествами, походами в горы, в ночное на пастбища, за лесной малиной, земляникой и никто тогда даже и представить не мог, какая трагедия в одночасье обрушится на них, но волею какого-то дьявольского рока только на армянские семьи. Много было и смешанных семей, члены которых впоследствии оказались в совсем бедственном положении, оставшись на перепутье дорог.

В одной из таких поездок к бабушке, Арсен с соседским мальчуганом собрались в верховья реки за лесной малиной, где столкнулись в малиннике с диким медведем, и испугавшись, километров 12 бежали без задних ног обратно в село, подгоняемые стоявшим в ушах ревом зверя, встревоженного посещением незваных гостей своей территории. Позже Арсен часто с улыбкой вспоминал свое бегство и звериный рык медведя, но тогда от испуга он заболел желтухой и попал на двадцать дней в инфекционное отделение.

Глава 5 Первые знания

Школа, в которую пошел учиться Арсен, находилась в самом центре г.Баку и представляла собой одну из частей монументального каменного здания, построенного на месте большого русского собора, который был разрушен во время Великой Отечественной войны. Позолоченные купола и колокола были переплавлены на танки, а иконы переданы тогда в столичные запасники. Другие две части занимали музыкальная школа им. Бюль-Бюля и азербайджанская школа. Двор за школами был общий и там часто проводились спортивные соревнования. Основной состав учителей состоял из евреев, но были и русские, и армяне, и азербайджанцы. Школа была русскоязычной с английским уклоном, по окончании которой, помимо аттестата выдавали свидетельство переводчика английского языка. Состав класса был интернациональным по национальностям, и смешанным по социальному статусу, – учились и дети верхнего эшелона партийной власти и силовиков, русского духовенства, так и средней интеллигенции, и рабочего класса. Школа была престижной и многие родители старались всеми возможными способами устроить своих детей в нее. Уже тогда, чтобы попасть простому смертному в эту школу приходилось сдавать определенные экзамены на правописание и начальную математику. Проучившись на уровне отличников десять лет в стенах этой школы, Арсен стал настолько эрудированным и подкованным в знаниях, что на протяжении многих лет с благодарностью вспоминал всех учителей своей родной школы. Учеников многонационального класса раскидало по всему миру и некоторые из них очень помогли Арсену в сложной ситуации через сорок лет. А тогда школа дала ему действительно путевку в жизнь, а как он смог воспользоваться этими знаниями, показала вся его последующая жизнь, насквозь пронизанная ирониями судьбы. Судьбы человека, рожденного для жизни...

Глава 6 Усыновление

В семье Агаевых у Фархада и Аиды родились еще двое детей, Заур и Эльмира. Между супругами часто возникал разговор о разно фамильных детях у них в семье. Иногда в разговорах участвовали и родственники как со стороны азербайджанцев у Фархада, так и со стороны армян у Аиды. Все дебаты шли вокруг одного из детей, – Арсена. Годы шли, дети в семье подрастали и неизбежно бы возникали вопросы о его армянской фамилии. Но представив себе, что усыновление Фархадом ее сына неизбежно повлекло бы за собой процедуру обрезания*, она приходила в ужас и отстаивала свое нежелание идти на согласие об усыновление. Проработав в различных организациях в Баку, она поняла, что армянин в Азербайджане, какими бы он не обладал знаниями и навыками, не получит ни хорошего поста, ни сделает хорошей карьеры. Видя в своем сыне будущего начальника и мечтая о его месте руководителя на хорошем посту, она всеми силами сопротивлялась внутреннему голосу, указывающему на невозможность осуществления ее грез. Подходила к концу четвертая четверть десятого класса обучения Арсена, и как гром

**обрезание – удаление у мальчиков и мужчин крайней плоти, практикуется главным образом у мусульман и иудеев*

среди ясного неба, мама озвучила сыну свое решение. Имея хорошие связи в различных государственных структурах, она получила на руки решение об усыновлении Арсена Фархадом. Он получал новую фамилию, имя, отчество и даже национальность. В один миг исчез Арсен – армянин, а появился Аслан – азербайджанец. Без официального согласия по закону родного отца Арсена, и его самого. Все решалось родителями и свершилось очень быстро. Время поджимало, и сын должен был получить паспорт.

Шла подготовка к выпускному, делались виньетки, готовились грамоты, дипломы для выпускников. Получив паспорт в паспортном столе, где, в анкете черным фломастером была замазана его настоящая фамилия, имя, отчество, национальность, Арсен находился в каком непонятном страхе. Что будет с его жизнью, и как это перемена повлияет на его дальнейшую судьбу. Было изменено даже свидетельство о рождении. Никто тогда не знал и не предполагал, что его ждет в будущем, и как это решение об усыновлении и смены всех личностных данных повлияет на жизнь Арсена. Приближались страшные времена, но тогда, из глубины «сытых» и «золотых» восьмидесятых, ничего не предвещало предстоящей вакханалии в жизни великой страны и наступающей беды для всего населения этой страны. Осенью умер бессменный руководитель СССР, – страны, которой боялись все западные и американские президенты, канцлеры, и весь капиталистический истеблишмент. В течении трех последующих лет сменилось трое его приемников, по иронии судьбы правивших не более года каждый. Последний сделал все, чтобы великой страны не стало, – и преуспел в этом. На протяжении десятков лет западные спецслужбы предпринимали много сил и тратили миллиардные средства для подрыва экономики СССР и ее дальнейшего разрушения. Все было тщетно. А этот человек, – Гобачев М. С., встав у руля власти, за восемь лет разрушил все до основания, отдав на поругание все то, чего достигли и чем гордились граждане этой великой страны.

Глава 7 Армейская ступень

Арсен не прошел собеседование на исторический факультет университета из-за удовлетворительной оценки за поведение в аттестате. Руководитель его класса, армянка, так отреагировала на его смену национальности. Он даже не подозревал, что в пятибалльном аттестате может быть такая «подстава». Мечты его стать археологом утонули в национальной расправе еще задолго до их разгоревшихся событий. Арсен подал документы в институт Народного Хозяйства и поступил. Познакомившись во время экзаменов с красивой девушкой, азербайджанкой, Арсен влюбился в нее первыми юношескими чувствами, но в конце 1983 года ему надо было идти в армию. Скрепя сердце, он, находясь в эйфории первой любви и заручившись обещаниями своей девушки, – Гюнель, ждать его, – пошел служить. Для него армия всегда была показателем мужской чести и долга, и служить он хотел достойно.

В вагоне плацкарта, куда была размещена команда призывников из Баку, Арсен познакомился с попутчиками, которые должны были стать на два года его сослуживцами. Здесь были и азербайджанцы, и армяне. Ехали двое суток, конечной станцией был Воронеж. По дороге часть призывников забрали сопровождающие офицеры и вагон вскоре почти опустел. Сухпаек, который им выдали, вскоре закончился, оставались только консервы со свиной тушенкой, которые никто не ел.

Арсен с новоиспеченным другом, Юрой – армянином с Завокзального района г.Баку, собрав у всех консервы со свиной, на одной из промежуточных станций обменяли у сидящих торговки свиную на говяжьи тушенки, и вскоре благополучно добрались до пункта назначения. Их было восемь человек, двое армян и шесть азербайджанцев. Азербайджанцы знали русский очень плохо, и Арсену с Юрой и Кареном-сыном часовщика, приходилось часто выступать переводчиками. По прибытию в часть их разместили в отдельном маленьком бараке с видом на плац. В карантине им предстояло пробыть месяц, но все пошло не так...

Часть, где должен был служить Арсен, была подразделением войск гражданской обороны, которые размещались возле крупных городов с атомными электростанциями, одним из которых был Воронеж. Различной инженерной автотехники в части было много, и поэтому сюда отбирали призывников с водительскими правами. Все вновь прибывшие были водители. Количество военнослужащих в части было около двухсот. Это был батальон войск Гражданской обороны.

Наслышавшись от отслуживших еще на гражданке знакомых ребят о нравах в армии и дедовщине, Арсен и его земляки находились в тревожном ожидании в преддверии неизвестного, в желании хоть что-то узнать о будущих сослуживцах.

Вскоре такая возможность им представилась. После ужина в день их прибытия к ним в карантин пришел солдат из казармы. Им оказался земляк-азербайджанец из одного из горных районов Азербайджана, отслуживший уже полгода. После первых рукопожатий и знакомств он стал рассказывать о нравах, царящих в части. Оказалось, что до их приезда в части было около ста азербайджанцев, которые держали в страхе всех остальных, пользуясь большинством, но они все уже демобилизовались. А оставшиеся в части военнослужащие так и ждут, чтобы поквитаться за прошлое с вновь прибывшими. Арсен был крепким спортивным парнем и не раз в стычках со сверстниками выходил победителем. Юра оказался кандидатом в мастера спорта по самбо. Карен был хилым батаном и еще пара пацанов из их земляков – азербайджанцев, крепкими было не назвать. В тяжелом гнетущем ожидании предстоящего общения со старослужащими ребята провели первую ночь. И вскоре все началось. Утром во время завтрака у Карена и Сабира, – небольшого ростом пацана из пригорода Баку, – отобрали паек сидящие за соседним столом старослужащие, их было человек пять. Юра с Арсеном, подойдя к их столу, потребовали вернуть пацанам пайки, на что в издевательской форме получили отказ.

Все сопровождалось нецензурной бранью и отборным матом с угрозами расправы в случае неповиновения. У друзей гнев застлал глаза, и раскидав троих обидчиков – двое с угрозами убежали, они, – взяв отобранные пайки, вернули их своим землякам.

– Все, нам конец, – испуганно заговорили не участвовавшие в потасовке азербайджанцы, – надо было по-хорошему с ними договориться.

– Вот вы и договаривайтесь, а мы не будем, мы что – за себя постоять не можем? – гневно воскликнул Арсен, – пусть о вас и дальше вытирают ноги. Дежурный офицер по части, прослышав о драке, вскоре пришел в карантин к призывникам. Убедившись, что все целы и видимых повреждений на ребятах нет, ушел, пообещав разобраться.

– Они ночью придут, – тихо и спокойно сказал Юра Арсену, – надо быть готовыми.

– Мы не собираемся убежать, нам надо еще два года здесь служить, – Карен с Сабиром, воодушевленные храбростью земляков, решительно принялись складывать койки в виде баррикады у входа. Оставив небольшой проход у входа, чтобы войти можно было не более одного человека, и положив рядом табуретки – Арсен с Юркой, стали тревожно посматривать на окна стоящей недалеко казармы. Время в ожидании неизвестного тянулось очень медленно. Вскоре раздался тихий стук в окно, это был их земляк из казармы.

– Они собираются после отбоя вас проучить, будьте готовы. Человек десять-двенадцать, остальные отказались. «Я не смогу вам помочь, сами понимаете, призыв не ваш и мне еще с ними служить», – сказал он и растворился в темноте. Азербайджанцы, собравшись в кучку, что-то обсуждали в углу помещения.

– Я не могу поступить, так, как вы, они заступились за меня, – громко кинув на азербайджанском напоследок землякам, Сабир встал и прилег на свою койку. Наступила гнетущая тишина. Где-то ближе к полуночи Арсен увидел выходящую из казармы группу солдат. Они направлялись к ним.

– Началось, – готовы? – схватив табурет, Юрка встал у прохода.

– Остальные убежали через задние окна, – сказал Сабир друзьям, выйдя из спального помещения, – аллах им судья.

Четверо друзей, стояли в проходе, готовясь к драке...

– Агаев, Аветисян, Дадашев, Матевосян-выйти из строя. За проведение неуставных взаимоотношений объявляю вам три наряда на плацу после принятия присяги. Остальные, участвовавшие в драке, всем по пять дней гауптвахты.

Так началась служба у Арсена. Потом за два года службы было еще много всяких стычек со старослужащими, но молва о том, как четверо молодых юношей отстояли свое право называться мужчинами, долго еще передавалась в курилках, в разговорах между солдатами и офицерами.

Прошел год. Часть располагалась в живописном еловом лесу на берегу реки. На территории части в основном располагались закрытые громадные ангары с законсервированной инженерной техникой и склады с амуницией, обеззараживающими химикатами, антирадиационными средствами и запасами продовольствия на случай аварии на АЭС. Зимой все погружалось в какую-то сказочную атмосферу с волшебной тишиной и завернутыми в белый безмолвный снег лапами елей высотой с трехэтажную казарму. Никогда не встававший на лыжи Арсен, довольно быстро освоил это средство передвижения, которым приходилось пользоваться во время зимних учений.

Аида уже получила благодарность из части за высокие боевые показатели сына и с гордостью показывала соседям. Арсен служил в политотделе батальона, в клубе. Воспользовавшись возможностью, он через старшего прапорщика устроил Сабира писарем в тех. часть, обучив его навыкам письма шрифтом. Была еще договоренность с замом по тылу за некую услугу устроить Юрку хлеборезом на кухню. Услуга касалась лета, – надо было организовать сбор с/х продуктов для части на должном уровне. Зная, каким авторитетом пользуется Арсен у военнослужащих

в части, подполковник, вызвав его к себе в штаб, поставил перед ним задачу собрать хорошую команду для командировки на сбор картофеля и капусты. Арсен в ответ попросил об услуге для Юрки, и вскоре тот уже обучался у собирающегося демобилизоваться хлебореза нехитрым, но специфичным навыкам батальонного хлебореза. До назначения Юрки оставалось три дня. Он вечером заступил в наряд, в караул и до вечера следующего дня, получив автомат с боекомплектом, находился в караульной части.

Вечером, после отбоя, закончив необходимые дела в клубе на первом этаже казармы, Арсен поднялся в расположение роты. На тумбочке дневального стоял один из земляков-азербайджанцев. Поздоровавшись с ним, он прошел в душевую. Стянув с себя гимнастерку, Арсен начал умываться. В этот момент в помещение, где располагались умывальники, вошло трое солдат. Это были чеченцы с его же призыва, прибывшие в часть дней на десять позже призывников из Баку.

– Ну что, Аслан, своих земляков пихаешь на теплые места, с нами не считаешься. Ты должен сказать зам по тылу, что хлеборезом будет наш земляк, или пожалеешь, что родился на свет. Мы от тебя мокрого места не оставим – угрожающе заговорил один их, Сеид-хан.

Арсен уловил запах водки, исходящий от чеченцев.

– Вы же мусульмане, вам водку пить харам, и вообще Сеид, с какого перепугу я должен у тебя разрешения спрашивать, ты что, для меня авторитетом стал? Я же устроил твоего друга водителем в штаб, ты даже спасибо не сказал. Все, разговор окончен, – Арсен повернулся к умывальнику, своим видом говоря, что разговор окончен. И в тот же миг получил сильный удар по ноге. Развернувшись на пол корпуса, Арсен схватил стоящего ближе к нему солдата за голову и со всей силы опустил ее на угол раковины. Почувствовав второй удар от нападавших у себя по челюсти, он схватив Сеид-хана за горло и сильно сжав, прокричал:

– Хоть одного из вас, но покалечу, хватит дурью маяться, кончай беситься.

– Тебе с нами не справиться, нас много, – прохрипел Сеид-хан, чувствуя слабость, и что-то крикнул на своем языке. Арсен только успел заметить врывающуюся в помещение толпу солдат-кавказцев. Его сбили с ног и стали добивать ногами. Повалив кого-то на пол, он вцепился в него болевым приемом и услышал хруст костей. Перед глазами все поплыло, и последнее, что он помнил, – была звучащая каким-то эхом автоматная очередь и чей-то рев...

Через два дня, придя в сознание, Арсен увидел сидящего возле него Сабира.

– Где я, что случилось? – только смог произнести он охрипшим тихим, свистящим голосом. Голова сильно кружилась, и почему-то жгло в области правого уха. Перед глазами все плыло. Протянув левую руку к глазам, он увидел посиневшую кисть с содранной на костяшках кожей. Ногти на пальцах были обломаны, и выступившая из-под ногтей кровь запеклась, создав видимость кровавого маникюра. Правая рука не слушалась.

– Ты в медсанчасти, тебя сюда Юра принес на спине. А сам он под арестом, его сейчас отправляют в город, в комендатуру, – Сабир нервно теребил пуговицу на гимнастерке, – а этих уродов даже не арестовали...

– Почему Юра, как он попал в эту ситуацию, он же был в карауле? – взволнованно прошептал Арсен, ничего не понимая, находясь под воздействием обезболивающих.

– Когда чеченцы задумали тебя выловить, они ждали, чтобы Юра был в карауле и не мог тебе помочь. В тот вечер их разговор случайно услышал наш земляк, который был дневальным в тот день. Он надеялся, что ты останешься в клубе, как ты иногда делал. Увидев тебя, поднимающегося на этаж, он через штаб, через своего друга, дежурного на пульте, сообщил Юре, что тебя собираются избивать. Юра, – недолго думая, сбегает с караула, да еще и автомат с собой прихватил. Пока он бежал до казармы, тебя уже добивали, и, если бы не он, ты бы погиб. Он забежал в умывальную и заревев, выпустил очередь из автомата вверх голов чеченцев. Парочка еще прикладом от него получила. Теперь понаехали родственники из Чечни и о чем-то сейчас беседуют в кабинете командира части. Юре грозит дисбат, года на два точно. А с

тобой, посмотри, что они сделали. Их было двенадцать человек. Как их аллах не покарал еще. Не знаю, что делать, честно, – Сабир в отчаянии стукнул кулаком по колену.

– Мне нужно к командиру, прямо сейчас, поможешь мне дойти? – Арсен сделал попытку встать, но острая боль в голове словно пронзила его насквозь. Он потерял сознание.

На следующий день его разбудил голос начальника политотдела части:

– Как его состояние, может чего-нибудь надо, – спрашивал он у дежурной медсестры.

– Состояние тяжелое, ему бы в госпиталь – в город, здесь у нас только капельницу можем поставить. А его по непонятным причинам не отправляют, я более ничего поделать не могу – испуганно отвечала женщина, – а так солдат много приходит, они ему тут всего нанесли, и толпятся постоянно, я их даже выгоняю.

– Молодцы, ребята, а то, что выгоняете – правильно, нечего режим нарушать. А с этим странным случаем я разберусь, хорошо, что вовремя с командировки вернулся, – майор собрался было уходить, но увидев приоткрытые глаза Арсена, остановился.

– Что, вояка, натворил дел, – с улыбкой он дотронулся до головы солдата, – красавец какой, ты себя хоть в зеркале видел. Ночью испугаться можно. Ну, рассказывай, как ты до такой жизни докатился, – шучу я.

Арсен рассказал ему обо всем, что помнил и что узнал из рассказа Сабир. Майор слушал молча, иногда останавливая его рассказ и просил уточнить детали. Выслушав солдата, он пожал ему руку, и сказав: – разберусь, обещаю, – покинул санчасть.

Вечером, после разрешения врача, прослышав, что он очнулся, к нему завалила толпа сослуживцев. Все наперебой рассказывали о событиях в части и о необходимости отомстить чеченцам за их преступление.

– Никому мстить не надо, их господь осудит, а вот проучить, проучим, только на ноги поднимусь. Напишите только рапорта о том, что видели и знаете. Напишите? – Арсен с интересом разглядывал пришедших его навестить солдат.

– Напишу я и еще человек десять. Нас уже пугали чеченцы, но мы напишем, тебя и Юрку жалко. Хорошие вы пацаны, правильные, – с вызовом сказал Сашка со Ставрополя, оглядываясь на остальных. Отправив друзей обратно в казарму, Арсен закрыл глаза и заснул. Утром, на следующий день, майор зашел в санчасть, принес с собой папку с бумагами и ручку.

– Надо срочно написать рапорт о случившемся, с участниками, с фамилиями и т.д. Они думают, что ты трясешь поджилками в страхе перед ними. Отец одного вообще заявил мне, что это тебя надо судить за сломанную руку одного из них. У них есть показания судмедэксперта, а у тебя нет, – понимаешь? Говорят, что тебя избили в самоволке, в деревне на танцах, понял? Поэтому тебя в госпиталь и не везут, наверное, командира умаслили. Ночью, после отбоя, привезу тебе знакомого врача, эксперта, из главной городской больницы, чтобы на госпитальных повлиять не смогли. Держись, – сказал он, пряча рапорт Арсена в папку.

После обеда забежал Сабир и принес ворох исписанных листков с рапортами от солдат.

– Многие офицеры тоже тебя поддержат, – радостно произнес он, сунув листки под матрац, – береги их, чтобы не украли. Чеченцы целыми днями таскают ребят по углам и уговаривают ничего не писать, но уже поздно, большинство на вашей с Юркой стороне. Карена и того дневального, нашего земляка, послали в командировку. Но они тоже передали через гражданских свои рапорта. Все будет хорошо.

– Вы там поосторожнее, партизаны, – улыбнулся Арсен, вздохнув облегченно. – Спасибо тебе и ребятам передай.

Ночью приехавший врач обеспокоенно обследовал солдата. Удивляясь, его крепкому организму, сфотографировал все гематомы и синяки, сделав кардиограмму, стал собираться:

– Вам повезло, молодой человек, после таких ударов не каждый бы выжил. Ему нужна срочная госпитализация, анализы надо сделать. «Неизвестно, что у него внутри с органами», – произнес он, обращаясь к майору.

– Я сделаю все возможное, только срочно нужно Ваше экспертное решение. На Вас они никак не смогут надавить, – ответил он.

– А это что, – вопросительно взглянув на протянутые Арсеном листки, – спросил майор.

– Это показания свидетелей, и дневального тоже, – ребята рискуют, – произнес Арсен, умоляюще смотря на офицера, – это им не повредит, надеюсь?

– Ну, ефрейторами и сержантами не станут, но зато людьми останутся, – с улыбкой сказал майор, собираясь уходить, – ты молодец, солдат, дух у тебя настоящий, мужской.

После того рокового дня прошло пять дней. Арсен уже потихоньку вставал, и смог, наконец, доковылять до зеркала. На него смотрело незнакомое иссини-коричневое лицо с местами проявляющейся желтизной. Ухо почему-то было перевязано и подклеено пластырем. Только глаза были узнаваемы, и то на белках были кровавые пятна. Выглядел он конечно, не презентабельно, но слава богу, мать не видит его в таком состоянии.

Прошло еще три дня. Сабир заходил каждый день и приносил последние скудные известия. Ничего особенного не происходило, кроме того, что все высшие офицеры части отсутствовали уже третий день. Происходящее начинало беспокоить Арсена, как вдруг к нему в палату вошла женщина лет сорока, восточной внешности, с по-мусульмански завязанным платком на голове. Одежда и золотые украшения на ней выдавали женщину из богатых слоев общества.

– Я мама Сеид-хана, Мариам, – представилась она., – мой сын не должен был идти в армию, но для поступления в органы МВД была нужна армия, поэтому мы устроили его сюда. Здесь было тихо и спокойно, и солдат из ГО в Афганистан не отправляли. Я и подумать не могла, что сын попадет в такую ситуацию. Он очень спокойный и послушный мальчик, и не мог совершить того, в чем ты его обвиняешь. Тебе надо написать заявление, что ты ничего не помнишь, и что ты оговорил моего сына.

– Здравствуйте, Мариам-ханум, – произнес Арсен, вставая с койки, – я очень уважаю Ваши чувства матери к сыну, у меня тоже есть любящая мать, которая для сына пойдет на все, чтобы его защитить, но в моем избиении участвовал не только Ваш сын, а их было 12 человек, и все из Чечни и Ингушетии. Никогда не мог себе представить, что гордый и мужественный чеченский народ породил таких мужчин, которые кидаются на одного целой толпой, да еще и напившись водки. Они же мусульмане, вы их не так воспитывали? Я не буду долго говорить, да и не смогу из-за моего состояния, только скажу одно – мне надо, чтобы Юру Аветисяна оправдали и отпустили. Увидев его в части и документ, где будет написано, что он оправдан, я напишу заявление, и со всех двенадцати сниму обвинения. Я понимаю, что их всех ждут матери, а если их осудят, то они скорее всего попадут в Афганистан. Так что я услышал Ваше предложение, и я его уважаю, как уважаю и Вас, но хочу, чтобы Вы, Ваш сын и все эти оставшиеся уважали наших матерей также, как мы сами. И тогда все встанет на свои места.

А что станет потом со мной, я разберусь сам, – выдохнул Арсен, чувствуя, что кружится голова.

– Вы меня извините, я должен прилечь, – держась за спинку кровати и присаживаясь, закончил он, – всего Вам хорошего. Мариам-ханум поклонилась и безмолвно вышла из комнаты. Выглянув в окно, Арсен увидел Сеид-хана, кинувшегося к матери. Она даже не повернулась в его сторону и отвернувшись от него, шла в сторону КПП.

Прошло еще два дня, и к Арсену забежал радостный Сабир:

– Юрку выпустили, машина уже на КПП стоит! – вскрикнул он, – аллах нам помог!

Вскочив с постели и взяв костыль, Арсен собрался было выйти из санчасти, как забежавший Юрка сгреб его в охапку и уложил обратно на койку.

– Рядовой Агаев, сержант Аветисян приказывает вам лежать! – рявкнул он и стал радостно хлопать Арсена по плечу.

– Ты что с ума сошел! – заорал Арсен от боли, – медведь проклятый, и так живого места нет!

Юра показал открепительную сопроводилровку из прокуратуры, где было написано, что сержант Аветисян за невыполнение какого-то приказа отсидел на гауптвахте 10 суток и отпущен в часть для дальнейшего прохождения службы. Наговорившись и рассказав друг-другу все, что знали, друзья простились до вечера. Арсен никому не рассказал только о визите Мариамханум, об этом никому не надо было знать. Через месяц, выйдя из санчасти, он написал объяснительную, что подрался на танцах в селе, уйдя в самоволку. Через три дня его увезли на гауптвахту на семь дней. Но это было уже не страшно, Юра был на свободе, это стоило того. До конца своих дней Арсен пронесет память об этом человеке, ценою собственной свободы спасшего ему жизнь. Отслужив два года, и отдав долг Родине, Арсен был уже не тем безусым юнцом, который рвался в армию. Он возмужал, стал взрослее и его взгляды на жизнь во многом изменились. Но его тянуло домой, он очень хотел увидеть родной город, родителей, брата и сестру, свою девушку, которой он писал чуть ли не каждый день. Но его ждало разочарование...

Глава 8 Разочарование

Приехав в Баку, после первых радостных рукопожатий и обниманий со своими близкими, Арсен помчался в институт. Шли занятия, и Гюнель должна была быть там. Посмотрев расписание, он устремился к аудитории, где должна была находиться его группа. Постучав в дверь и поздоровавшись с преподавателем, принимая поздравления от него и сокурсников, он никак не мог найти Гюнель. Как вдруг, одна из девушек, подошла к нему и радостно обняла. Он был в шоке, – Гюнель обесцветила волосы, у нее был яркий, непристойный для тех времен и нравов макияж. Он ее не узнавал. Оттолкнув ее и выбежав из аудитории, Арсен на выходе из института встретил друга, жившего с ним по соседству. Про Арсена и Гюнель знали все в институте и за глаза называли «Ромео» и «Джюльеттой».

Увидев немую боль в глазах Арсена, друг не выдержал:

– Она гуляет по кафе и кабакам, курит, и постоянно в компании каких-то парней. Смотри сам, тебе решать., – ответил он на безмолвный вопрос Арсена.

– Я сам и решу, не надо мне в этом помогать, – Арсен зло оттолкнул его в сторону и выбежал из института.

Прошло несколько месяцев. Он восстановился в институте на втором курсе и продолжал учебу. Гюнель и его сокурсники, с кем он поступал, теперь учились на четвертом курсе, и он изредка встречался с ними на переменах. Гюнель названивала ему домой, пыталась поговорить с ним на переменах в институте, но Арсен был неумолим и не подходил к телефону. Вечером, в один из осенних дней, договорившись с друзьями сходить в кафе, он подходил к скверу им.Ахундова около иранского посольства. Вдруг из одного из дворов ему навстречу вышла Гюнель. Волосы снова были такого же цвета, как раньше, и немного румян на лице – она попыталась стать привычной и понравиться ему. Подойдя к нему, Гюнель вдруг обняла его и зашептала:

– Прости меня, я не знала, что делать, когда ты уехал, я места себе не находила, глупая была, дурью маялась, прости...

– И ты прости, что вспылал, – молодой еще, неопытный и ревнивый. Они обнялись и вскоре поженились, устроив студенческую свадьбу. Аида не одобряла выбор сына, но под впечатлением первых, незнакомых до того момента чувств, Арсен ничего не хотел понимать. Аргументы матери против его чувств казались ему чем-то кощунственным, и он поругавшись с ней, в сердцах ушел из дома. Началась студенческая семейная жизнь. Прошло месяца три, и в один из вечеров на квартиру молодоженов пришли Аида с Фархадом.

– Ну побесились, и хватит, – сказал Фархад, – собирайте вещи и давайте к нам домой, будете жить с нами, одним вам будет трудно.

К тому моменту у Агаевых уже была трехкомнатная квартира. Вскоре у молодых родилась дочка – Лала. Арсен, благодаря своей настойчивости и амбициям, к тому времени уже работал в Госплане Азербайджана. Молодого специалиста, азербайджанца, студента третьего курса, выделили среди других претендентов на место, увидев, с какой легкостью он решал поставленные вопросы во время собеседования. Через год он уже занял место зам.начальника отдела.

Глава 9 Кооператор

В то время видеомэгниетофоны только стали появляться. Более богатые могли себе позволить приобрести такой аппарат, но большинство удовлетворяли свое любопытство, взяв такой аппарат напрокат. Видеобум охватил всю страну. Арсен желая подзаработать, писал для богатеньких однокурсников курсовые работы, раз в месяц организовывал танцевальные вечера в кафе и продавал билеты на них в институте. Имея доступ к модной и хорошей музыке, он вел такие вечера сам, очень часто сам выходя на танцпол, чтобы завести гостей. Собрав необходимую сумму, хватающую на два видеомэгниетофона отечественного производства, Арсен решил официально открыть видеосалон. Взяв в аренду списанный автобус, оформив его как кинозал, он наняв работника, занялся бизнесом. Водитель ездил в основном по окраинам города и проводил видео сеансы. Видеокассеты с записями фильмов Арсен покупал с рук у спекулянтов на Кубинке.

Вскоре дела пошли в гору. Он решил купить еще видеомэгниетофоны и полетел в Воронеж. В то время там на радиозаводе стали выпускать отечественные ВМ-12, это было тогда очень круто для нашей промышленности. Позвонив знакомому прапорщику из части, где служил, он договорился о встрече. Выйдя из здания Аэровокзала в Воронеже, он взял такси и поехал к месту указанной встречи. Отпустив такси, присел на лавку возле остановки автобуса и стал ждать. К нему подошел крепкого вида парень и попросил прикурить...

Его вырубили ударом арматуры и сломали челюсть. Украли норковую шапку и все деньги. Очнулся Арсен в больнице, на операционном столе... Голова страшно кружилась и мутило. Что-либо сказать было невозможно, челюсть ходила ходуном и слушаться отказывалась. На вопросы следователя, приехавшего в больницу, он ничего толком сказать не мог, и от него вскоре отстали. Вскоре его отвезли в хирургию и провели операцию на челюсти. Очнувшись после наркоза, и найдя в потайном кармане спрятанную сотню на всякий случай, Арсен уехал из больницы в аэропорт и вскоре приземлился в Баку. Во время посадки он потерял сознание, и с аэропорта его отвезли сразу в больницу... Есть нормально он долго не мог, челюсти после операции были стянуты шинами, но вскоре молодой крепкий организм взял свое.

Глава 10 Новый друг

В один из жарких летних дней в Баку, Арсен, проходя по пассажиру возле Армянской церкви увидел что-то предлагающего проходом иностранца африканского происхождения. Подойдя к нему поближе, он увидел несколько часов иностранного производства в его руке.

– Почем часы? – спросил Арсен на английском.

– 40 рублей, но это настоящие, не подделка, – ответил африканец.

– Я возьму, но только за 35, это хорошая цена.

Так началась дружба Арсена и студента международного факультета из Эфиопии Зевдынеха, (Зэд-как позже всегда называл его новый друг). Шли дни, месяца, и друзья занимались всякими коммерческими операциями. Тогда это называлось спекуляцией, и каралось по закону, но имея дефицитный, редкий товар, Арсен быстро обзавелся нужными знакомствами и в органах милиции. То Зэд привозил заказанные Арсеном аудио- и видеотехнику, дорогую фирменную одежду западных марок, то Арсен доставал для друга запасные части для автомобилей ВАЗ, технические детали и устройства, которые имели спрос в Эфиопии. Бизнес процветал, а с ним и благосостояние друзей. Позже они уже всю занимались перепродажей иностранной валюты. Они были молоды и страха не было вообще, тем более, что Арсен всегда одевался как иностранец, многие студенты и работники общежития думали, что он араб, и зная английский, он всегда проходил за своего на проходных в общежитиях иностранцев в Баку. Вскоре он познакомился со многими из них – арабами, африканцами из множества других дружеских СССР стран, чьи студенты учились в вузах Баку.

– Я женюсь, – обрадованно произнес Зэд, хочу тебя с женой пригласить на свадьбу, надо найти ресторан, человек на сто хватит. Арсен не ожидал такой новости, он даже ни разу не видел друга с девушкой. Вскоре Зэд их познакомил. Невесту друга звали Эмебет, и они были прекрасной парой.

Свадьба шла в театральном ресторане с красивым залом в стиле ампира. Гости были все из числа студентов, из разных стран. Музыканты вскоре ушли на перерыв, и Зэд подошел к Арсену:

– Можно мы сами сыграем на их инструментах? Попроси их, ведь это твои знакомые.

Разрешение было получено, и под сводами старинного строения зазвучал настоящий африканский джаз, никогда до этого не звучавший в этом заведении. Музыканты из труппы ресторана были в восторге, и вскоре в зал стали заходить любопытные из фойе театра во время антракта. Такая музыка была в диковинку в восточном городе. Свадьба закончилась, и Арсен в последующие годы часто вспоминал звучание саксофона в руках эфиопского парня.

Жизнь продолжалась, и ничего не предвещало бури...

Глава 11 Встреча с отцом

Арсен ни разу не видел своего родного отца. Из разговоров Аиды о Роберте, его родном отце, он знал только, что тот с семьей живет в Ереване, куда переехал в семидесятых годах. Мать всегда ему говорила, что не стоит видеться с отцом, если тот за столько лет ни разу не поинтересовался сыном. Но желание его увидеть не покидала Арсена никогда. Он только ждал момента, чтобы показаться отцу на глаза успешным и самодостаточным человеком, выросшим без отца, но ничего от этого не потерявшего. Сыновья обида сидела в нем, сколько он себя помнил. От маминой двоюродной сестры он узнал, что тетя Роберта работает в Сумгаите в книжном магазине. В один из жарких летних дней он, собравшись духом, поехал в город, где он родился и в котором 22 года назад разворачивались события, предшествующие его появлению на свет.

Найдя книжный магазин, он с любопытством разглядывал не книжные полки, а продавщиц, которые то и дело пробегали мимо него от одного стеллажа к другому. Он никогда не видел родственников отца и не знал, чем может закончиться эта встреча.

– Роберт!?, – вдруг одна из женщин остановилась и с какой-то растерянностью тронула его за плечо.

– Нет. Я-Арсен, сын Роберта, – гордо сказал молодой человек, а вы-наверное, тетя Генофья?

Женщина вдруг разрыдалась и обняла Арсена.

– Я никогда себе этого не прощу, никогда. Мы не верили твоей маме, говорили, что она забеременела не от Роберта, и соврали ему. Теперь я понимаю, как мы все ошибались, ты так сильно на него похож, копия молодого Роберта.

Через минут тридцать, Арсен, получив от новоиспеченной тети телефон отца в Ереване, уже возвращался в Баку. Он решил в скором времени найти Роберта, поехав в Армению. Ни матери, ни жене он ничего не сказал. У него к тому времени уже была машина, «Жигули» шестой модели, но он всем говорил, что друг уехал за границу на некоторое время и оставил ему машину. Чтобы избежать лишних нравоучений от матери и Фархада, он вообще мало распространялся про свой род деятельности: Фарцовка и купля-продажа валюты были вне закона, и он не хотел, чтобы мать лишний раз нервничала, у нее и так забот хватало с двумя младшими детьми.

Собравшись в дорогу, взяв с собой денег и подарок отцу и его семье, и сказав родным, что дня на три едет по делам на границу с Ираном в Джульфу, – он поехал на машине в Ереван. Насмотревшись по дороге красот равнин родного края, монументальных гор Кавказа с горными селами и одетыми в снега вершинами, он въехал в Армению. От скорой возможности увидеть отца у него захватывало дух и он прибавлял скорость, стараясь быстрее сократить расстояние. Проехав мимо Севана, он вскоре увидел показавшиеся дома Еревана, амфитеатром разбросанные по горам. Ереван представлял собой выдолбленный из горного камня и мрамора город, своим древним величием расположенный в расщелинах и разрезах окружающих гор. Въехав в город, он стал спрашивать проезд до центра города и был неприятно удивлен. Его армянский с акцентом был воспринят очень негативно. Его не принимали за своего, а некоторые даже принялись недружелюбно склонять его рождение под турками и персами. Он стал спрашивать на русском. Ему тут же ответили и указали, как проехать. Припарковав машину на стоянке, Арсен наконец-то получил возможность спокойно оглядеться. Он был в центре Еревана, около музыкального фонтана и небольшого сквера. Ощущения того, что он находится в родной по национальности и языку стране, постепенно покидали его. Знание армянского языка, того, на котором общаются в Азербайджане, еще больше отдаляло его от местного населения. По их представлению, если ты родился в Азербайджане, и ты – армянин, означало

только одно: ты такой же, как турки и персы, которые живут в этой стране, и никогда не станешь армянином чистой, арцахской крови, какими они сами себя считают. Особого желания понравиться Арсен не испытывал, и вскоре отогнал мысли о напрягающей его несправедливости к армянам из Азербайджана.

Он нашел телефон-автомат и набрал номер отца.

– Я слушаю Вас, – женский голос на русском прозвучал из трубки.

– А Роберта Микосовича можно услышать? – с еле скрываемой дрожью в голосе спросил Арсен. Была суббота, и была вероятность того, что отец будет дома.

– А кто это? – удивленно, наверное, из-за чистого русского языка Арсена, спросили из трубки.

– Это его знакомый из Баку, – ответил он.

– Сейчас, – ответил голос, и Арсен облегченно вздохнул.

– Я слушаю, – мужской голос заставил вздрогнуть.

– Это Ваш сын, – Арсен.

В трубке повисло молчание. Чувствовалось напряжение от неожиданности услышанного.

– Ты где, в Ереване? – с акцентом на русском спросил Роберт.

– Да, я около гостиницы «Севан», в сквере, напротив. Хотел бы увидеть Вас, и кое-что спросить.

– Я через час буду, – произнес отец каким-то тихим, поникшим голосом.

Час для Арсена пролетел в одно мгновение. Желание увидеть отца было так велико, что он бы прождал еще бездну таких мгновений.

На тропинке по аллее сквера шел мужчина лет пятидесяти с проседью и зачесанными назад короткими волосами. Одет он был в летние светлые брюки и бязевую рубашку. Он шел прямо на Арсена.

– Добрый день, как доехал? – спросил Роберт, протягивая Арсену руку для рукопожатия.

– Здравствуйте. Спасибо, все нормально.

– Я слушаю тебя, что ты хотел услышать? – спросил отец, прогуляемся?

– Я бы хотел только одно теперь узнать, как же произошло, что Вы с мамой развелись? – Арсен с интересом разглядывая отца и разочаровавшись его холодным приемом, уже пожалел, что не послушался мать, которая отговаривала его от встречи с отцом.

– Во всем виновата твоя бабушка Егануш, она не дала нам с Аидой вместе нормально жить, – как-то очень спокойно ответил он. – Я не думаю, что ты из-за этого приехал, тебе, наверное, деньги нужны? Их у меня нет, я недавно купил машину, и еще у меня двое детей, их надо поднимать, готовить в институт. Я скоро уезжаю в Японию, в командировку на пять лет, надо подготовиться, много затрат, – Роберт все говорил, словно боясь, что сын вставит какие-то слова.

У Арсена от гнева все поплыло перед глазами. Двадцать лет ждать встречи с отцом, надеяться на какое-то внимание, излияние отцовских чувств, – а в итоге нарваться на циничное объяснение приезда сына. В течении этих нескольких минут Арсен понял, как он поступит.

– Подождите пять минут, пожалуйста, я тут кое-что привез Вам и Вашей семье. Дойду до машины и обратно, – бросил он на ходу, быстрым шагом направляясь к припаркованной машине. Пока он шел, быстро считал в уме, сколько за свою жизнь отец присылал ему алиментов. Алименты он получал сам на почте, исправно принося их маме. Присев в машину, достав и отсчитав полученную в уме сумму, он положил их в коробку конфет и вместе с остальными подарками уложил в пакет. У него получилось около тридцати пяти тысяч, сумма немаленькая, но она у него была, он в день мог заработать тогда около тысячи, а иногда и больше рублей.

– Это Вашей семье подарок, – извините, Роберт Микосович, не могу Вас назвать отцом. Спасибо за урок, который Вы мне преподали. А насчет денег Вы ошиблись. Я не нуждаюсь в них и зарабатываю в день столько, сколько Вы не зарабатываете на своей должности в месяц.

Мне очень жаль, что я приехал, лучше бы Вы остались в моих мечтах, окруженный ореолом настоящего отца, а не мещанина, извините за мой русский. А сына в Баку у Вас как не было, так и не будет больше. Прощайте., – и даже не слушав объяснений и оправданий Роберта, пошел по направлению к машине. Неподалеку толпа человек в пятьсот скандировала, держа в руках плакаты:

– Раиса, отдай нам Карабах, или верни наши бриллианты!!! – тогда эти возгласы и крики как-то резали слух и были непонятны Арсену, ясность пришла позднее, когда он заинтересовался услышанным.

Через полчаса он уже выезжал из Еревана, его здесь более ничего не держало. Уже позже, по приезду в Баку, Аида сказала сыну, что звонил Роберт, извинялся за прием сына, обещал выслать деньги обратно.

– Я же тебе говорила, Арсенчик, что не надо с ним встречаться, теперь ты успокоился?

Сын молча обнял мать, Роберт для него был больше неинтересен, надо было жить дальше.

Глава 12 Погромы

Горбачев и его жена, Раиса Максимовна прилетели в Америку. Официальные приемы, встречи – все как положено. И вдруг, как гром среди ясного неба, – супружеская пара посетила центр армянской диаспоры в Лос-Анжелесе. Среди официальной информации прозвучало только то, что супруги получили в дар от главы армянской диаспоры картину Айвазовского и старославянскую рукопись. Через месяц, когда Арсен случайно в это время оказался в Ереване, он оказался свидетелем народных волнений, требующих Карабах в состав Армении. В это время появляется публикация в газете «Известия» о том, что чета Горбачевых во время визита в Лос-Анжелес получила от армянской диаспоры бриллианты и драгоценности. За что, не писали. Из-за возникшего скандала и сложившейся ситуации был создан фонд культурных ценностей, председателем которого стала Раиса Максимовна, и все драгоценности и бриллианты будут переданы туда. А вскоре на свет появился указ Горбачева о присоединении Карабаха к Армении. Так было положено начало того, что потом произошло с армянами в Азербайджане и получило название карабахского конфликта.

Подписав указ о передаче автономии-Нагорного Карабаха в состав Армении, Горбачев всколыхнул страшный конфликт между двумя, жившими долгие годы в ладе и мире народами. Армяне и азербайджанцы встали перед неизбежным – войной. Армяне в Азербайджане проживали компактно в Нагорном Карабахе, где их было большинство. И еще на территории двух – трех сельских районов, одним из которых был Варташен, – родина Аиды, и в двух городах – Баку и Сумгаите. В Азербайджане армяне в основном были портные, сапожники, мастеровые, торговцы. Город Сумгаит был построен в советское время как город-спутник крупнейшего в Закавказье химического завода. А в Сумгаите армяне были представлены на этом заводе как инженера, электрики, слесаря. Это в силу своих природных данных были очень трудолюбивые люди. И очень часто, отзываясь о них, люди других народов говорили: ...у армян золотые руки...

Вскоре потекла первая волна беженцев-азербайджанцев из Армении. Это были в основном жители сельских районов Армении. Их не выгоняли, просто стали потихоньку выживать, не было ни насилий, ни избиений. Продав свои жилища в Армении, они прибывали все в Баку, вели себя очень нагло, беспринципно, с требованиями выделения пособий для проживания и жилья. В условиях перенаселения города и неполноценного бюджета Азербайджана того времени, правительство смогло только выделить земельные участки в пригородах Баку и выделить определенные суммы для строительства жилья. Получив деньги, дома строить никто не собирался. Быстро смекнув, что армянское население городов Баку, Сумгаита, Кировабада и других районов Азербайджана практически находится без защиты, беженцы с Армении (как их тогда называли-«еразы») при полном попустительстве властей, стали просто выгонять армян из их жилищ. Иногда это проходило мирно, – они просто взломав входные замки оставленных армянами квартир, захватывали их, или с разбоем, путем избиений и насилий, вламывались в квартиры и дома армян, грабили их хозяев и выкидывали на улицы. Массово это явление произошло в городе Сумгаит, который по необъяснимым причинам на три дня вышел из поля зрения прессы, милиции, связи. Три дня с городом не было никакой связи, а на четвертые сутки, вдруг появились первые страшные кадры на экранах телевизоров. Разграбленный город с толпами уезжающих армян. Разбитые машины, окна домов, раскуроченные двери, валяющиеся кругом брошенные вещи, местами кровь, трупы убитых – это картина города Сумгаита в свете национальной политики, проводимой Горбачевым и его продажным правительством образца конца 80-х. Следующим на очереди был Баку, с 300-тысячным армянским населением. Иностранцы с диппредставительств, с общежитий покидали Азербайджан в целях безопасности, в

том числе и друг Арсена с семьей. Они полетели в Москву. Зеду давно уже предлагали работу в посольстве его страны, а он все откладывал.

В те дни Арсен в одно утро нашел наклеенную на ворота во двор листовку: – «Азербайджанцы, в вашем дворе живут мать с сыном – армяне, которых надо выгнать из нашей страны, неверным не место на нашей священной земле». Аида, увидев это воззвание, пришла в ужас. В районе, где они жили, армян не было вообще, и значит травля на армян ведется с ведома властей. Их адрес могли получить только в паспортном столе. Вечером в дверь Агаевых постучали. Фархад вышел на стук за дверь и увидел трех мужчин.

– Мы пришли к Ариффе (так звали Аиду среди азербайджанцев), мы слышали про то, что было написано на листовке. Она нас знает, скажи – Октай, сосед пришел. Услышав знакомый голос, Аида вышла на площадку перед квартирой.

– Октай, что происходит, что с нами будет? – с надрывом произнесла испуганная женщина, еле сдерживая рыдания.

– Не бойся, сестра, я защищу тебя и твою семью. Я буду охранять вас – с уверенностью произнес Октай, – я не последний человек в нашем районе и у меня есть честь. Национальность не имеет никакого значения. Я не забуду, что ты для меня сделала, Арифа, спасибо тебе. Вам несколько дней, пока все не утихнет, не надо выходить на улицу. Все, что надо – продукты или что-либо, скажете, вам мои люди все принесут.

Три дня, днем и ночью, две «волги» с вооруженными людьми стояли у входа во двор, где жили Агаевы. Никто из чужаков не посмел войти во двор, нрав Октая – вора в законе, знали не понаслышке. Аида в свое время очень ему помогла: надо было устроиться на работу, но с его «биографией» никуда не брали. Она оформила его водителем в детский сад и помогла его сестре поступить в институт – Октай до конца жизни не забыл про эту услугу. Соседи Мусавых по двору каждый день приходили к ним, и в разговорах о происходящем скрашивали отчаяние испуганной женщины. Аида своего сына ни на шаг не отпускала от себя. Потеряв младшего сына Заура в 1985 году в автокатастрофе, она не раз обращалась к господу с мольбой о оберегании старшего. Хотя Арсена все уважали в соседних дворах и в округе, где за его проциательность и ум называли «Кялля*Аслан», и по паспорту он был азербайджанцем, вероятность попасть в руки разъяренных националистов на улицах города была очень вероятна. Достаточно было крикнуть в толпе:

– Это армянин, я его знаю!!! – и толпа криминальных молодчиков, не разбираясь, калечили и добивали любого, на кого указывали из толпы. Уже позже, грабя и разрывая одежду на несчастном, иногда находили

**кялля – голова (азерб.)*

подтверждения, что это был азербайджанец, те же люди кричали, что это спровоцировали армяне. Время было страшное для всех.

После недели такой вакханалии в столице Азербайджана отдельные группы воинствующих молодчиков стали разъезжать по стране в поисках, не успевших покинуть страну армян. Аида, испугавшись за мать, попросила Октая с Фархадом поехать в Варташен за бабушкой Егануш. Связи с ней не было уже около десять дней. Телефона у нее в доме не было, а родственники все уже сбежали из Азербайджана в Армению к тому времени, не дожидаясь погромов. ЕЕ СРЕДИ НИХ НЕ БЫЛО! Приехав за 400 километров в село, мужчины нашли Егануш в ее доме. Пожилая женщина не собиралась никуда уезжать.

– Мои родители похоронены здесь, и меня все знают, – не бойтесь, ничего не случится. «Я остаюсь здесь», – сказала, как отрезала она.

Возвращаясь обратно в город, Фархад не узнавал некогда цветущее село, – повсюду валялись брошенные в спешке вещи, зияли дыры в заборах и окнах с выбитыми стеклами. Уезжали с тяжелым чувством беспокойства за Егануш. Уже позже, дней через двадцать, появились сообщения, что представители народного фронта с работниками органов внутренних дел, разъез-

жали по домам армян и вывозили оставшихся на границу с Арменией, в лагерь для беженцев. Это были, в основном, – инвалиды и старики, которые не смогли самостоятельно уехать. Но была ли среди них бабушка, никто не знал. Родственники, проживающие в Армении, приехали в этот лагерь за ней, но тщетно, – ее нигде не было. **ОНА ПРОПАЛА!**

– Может уедем, Фархад? – Тревожно спросила Аида своего мужа, вытирая стекающие слезы после очередного известия, что ее мать не могут найти – что-то мне не спокойно.

– Не бойся, Аида, я вас защищу, и мои родственники нам помогут, и соседи у нас хорошие. Нам ехать некуда. В Армению с нашими азербайджанскими паспортами нельзя, в России у нас никого нет, да и денег нет на переезд. Останемся, все образуется, – они остались... Только через восемь лет Аида поняла, какую ошибку она допустила тогда, понадеявшись на мужа.

Глава 13 Развал СССР

В 1982 году ничего не предвещало исторического события 20-го века, но грянула первая новость, как гром среди ясного неба. Умер Генеральный Секретарь Компартии Брежнев и с этого момента началось крушение самого большого государства в мире – СССР. В течении трех лет еще были попытки сохранить коммунистический строй, за короткий период сменилось еще два руководителя страны, но с приходом к власти третьего – Горбачева в 1985 году, процесс развала великой страны приобрел варварский изощренный характер, поддерживался материальными поощрениями завербованных спецслужбами США чиновников в правительстве страны СССР. В результате в 1991 году государство СССР, пробыв на мировых картах 74 года, перестало существовать, развалившись на 16 стран, которые были в ее составе под видом республик. Процедура развала проходила очень болезненно для экономик всех этих стран. За время существования СССР, став одной из самых могущественных государств в мире, инфраструктура страны была как паутина, связана экономическими связями со всеми республиками воедино. снабжение комплектующими и продовольственными товарами по принципу – единая страна, единая экономика, – породило своеобразный единый братский союз всех народов, когда все снабжали и снабжались выпускаемыми товарами между собой, образуя единую паутину экономики. Развал страны разорвал все связи между заводами и фабриками, сельхозпредприятиями и хозяйствами. Бездарным правительством во главе с Горбачевым удалось за пять лет сделать то, что спецслужбы США и ведущих европейских стран пытались сделать на протяжении семидесяти лет – развалить СССР. Создался искусственно экономический хаос с его сопутствующими социальными бедами: разгул преступности, коррупция и воровство во власти, небывалое расслаивание населения по уровню жизни, развал некогда сильнейшей армии в мире. На руинах развалившегося государства образовались 16 стран. Молодых, слабых, уязвимых во всем. Предстояло становиться самим, своими силами.

Глава 14 Москва

После вышеизложенных событий все государственные структуры некогда единой страны были разрушены и Госплан Азербайджана, как организация, перестал существовать. Арсен остался без работы. Многочисленные попытки найти ее день за днем заканчивались неудачами. Несколько раз он встречал удивленные взгляды знакомых по школе, не понимавших, как он армянин, смог остаться в стране, где все пропитывалось ненавистью к ним. И в один из вечеров, он сказал Гюнель:

– Нам надо уехать, здесь мне жить нормально не дадут. Рано или поздно кто-нибудь точно покажет пальцем на меня, как на армянина. Поедем в Москву, деньги у нас есть, что-нибудь прикупим, обоснуемся. Ты же меня знаешь, не пропадем.

– Я не поеду, мы с дочкой останемся. Езжай пока один, найдешь работу, жилье, сообщишь. Тогда мы приедем. На ура не хочу, у меня здесь мать, сестры, – тихо произнесла она, словно извиняясь.

Через три дня, крепко обняв дочурку на прощанье и купив билет на самолет, Арсен уже стоял на посадке. Мать, прощаясь с сыном, была рада его отъезду, ее все еще не покидал страх, что если он останется в Баку, то рано или поздно обнаружится, что он армянин. Наблюдая за проплывающими под крылом самолета домами родного Баку он даже не предполагал, на сколько лет он покидает Родину и что его ждет в далекой Москве.

Глава 15 Бандитский Арбат

Прилетев в Москву, Арсен первым делом стал звонить Зэду. Но трубку никто не брал, и он решил прогуляться по центру города, по Арбату. Денег с собой он взял немного, в надежде, что при необходимости Гюнель, его жена, всегда ему вышлет. Он бывал в Москве и раньше, но разница была ощутимой. Раньше, в советские времена, лица людей были дружелюбнее, улицы города чище, магазины ломились от всякой всячины. Теперь Москву было не узнать: озабоченные лица людей, снующих по магазинам в поисках товаров, на улицах мусор и грязь, всевозможные ларьки с кооперативными товарами, расползающимися и линяющими после первой стирки, ломающимися при первом использовании, и везде небольшие кучки молодых ребят в спортивных костюмах, снующих между прохожими в жажде легкой наживы. Иногда встречались пацаны постарше и покрепче, в кожаных косухах, стоящие возле кафе, ларьков или в переходах. Это было новое поколение молодежи, выросшее на улицах, на задворках домов, приехавших со всех концов страны за легкими деньгами. Рождался новый класс – братва 90-х, эдакий гибрид криминальной и уличной молодежи под руководством лидеров-выходцев из криминального мира, которые курировались и направлялись бывшими комсомольскими, милицейскими работниками, криминальными авторитетами, имеющих информацию, знакомства и власть.

Сидя в одном из многочисленных открытых кафе на Арбате, Арсен своим пытливым взглядом стал подмечать незаметные простому прохожему нюансы, выдающими пропитанный во всем этом многообразии торговых точек, кооператоров, торговцев всевозможными сувенирами, – криминал. Все, где действие сопровождалось звоном монет, хрустом денежных знаков, – облагалось поборами, данью со стороны крышующих молодчиков. Иногда были слышны крики возмущений, о помощи, ругань, – но все было чинно и спокойно со стороны парно стоящих милиционеров. Блюстителю порядка за всем наблюдали со скукой, и желанием поскорей закончить свою смену, получив очередную порцию мзды от бригадиров криминальных группировок. Это было самое злочное место Москвы 1991 года, и Арсен тогда даже представить себе не мог, что ему вскоре на себе придется ощутить весь этот балаган торговли и криминала.

Стоя в телефонной будке, Арсен в очередной раз звонил Зэду. В этот раз трубку подняли и незнакомый женский голос на английском спросил, – чем я могу вам помочь?

– Мне нужен Зевдынех, его спрашивает друг из Баку, – Аслан...

– Извините, это его сестра, Зевдынех погиб, его с нами нет...

– Как погиб, что произошло? А его жена, дочка где?

– Он выкинулся из окна, самоубийство. А жена и дочка уехали на родину, в Аддис-Абебу. Извините, я много слышала о Вас, брат всегда очень хорошо о Вас отзывался. Вот такая беда. Прощайте, – на другом конце провода, всхлипнув, повесили трубку. Арсен еще долго не мог прийти в себя от услышанного. Лишь через два года, случайно встретив в аэропорту Риги их общих знакомых, от них он узнал, что по официальной версии Зэд стал членом какой-то секты и они обманом выудили у него все состояние. Не пережив этого, он покончил с собой. Арсен знал друга очень хорошо, и поверить в это не мог. Единственное, что приходило ему на ум, из опыта предыдущей жизни – это обычное сфабрикованное убийство. Но друга нет. Это была большая потеря для него. Надеяться в большом, чужом городе, было не на кого.

– У меня кончились деньги, Гюнель, что я взял с собой. Надеялся на Зэда, но его нет в живых, он погиб. Возьми из моего стола и вышли мне тысячи три, на первое время хватит...

– Какие деньги, Аслан, откуда мне их взять, у тебя в столе ничего нет.

– Откуда ты знаешь, что нет, Гюнель, – не надо так шутить, мне не до шуток. Там было двадцать тысяч рублями, и еще в валюте тысяч пятьдесят, куда они делись? Я еще и тебе оставил две тысячи, и их уже нет? – ведь прошло всего семь дней...

Он остался в Москве без денег. Гюнель ему просто соврала, банально, но неужели из-за денег? Сумма была для нее немаленькая, чтобы прожить какой-то период. Матери он звонить не смел, не тот случай. Надо было что-то предпринять. На нем была дубленка и норковая шапка. В сумке была еще кожаная куртка, спортивный костюм и кроссовки известной марки. На вырученные деньги от их продажи месяц-два можно было прожить. Поужинав в чебуречной, Арсен на оставшиеся деньги снял комнату на три дня, – надо было как-то жить дальше.

На следующий день, спросив у хозяйки ближайшую комиссионку, Арсен поехал туда. В то время в Москве около комиссионок крутились фарцовщики, предлагая приезжим джинсы, кожаные куртки, кроссовки и другие дефицитные вещи. В обычных магазинах это не продавалось, а открытого доступа к заграничным фирменным товарам у людей, любящих модно одеться, еще не было. Этот товар можно было купить только в комиссионках, где принимали вещи на комиссию от простых людей. Около таких магазинов возникали стихийные рынки-«толкучки», как их тогда называли, куда приезжали за модными вещами и новоиспеченные кооператоры, и бандиты, и у кого просто была возможность купить модную вещь.

Сняв с себя дубленку, Арсен встал в толпу. И тут же около него возник мужчина лет тридцати, с помятой внешностью, неплохо одетый по тем временам:

– Что продаем, почему? – прохрипел он, шупая и рассматривая дубленку.

– За три косяра, полцены, отдам, – Арсен вытянул рукав куртки из цепких рук парня.

– Пройдем во двор, там в подъезде примерю. Если подойдет, заберу, – опять прохрипел он, пытаясь вытянуть куртку из рук Арсена.

– А земляк, здорово, что, – продаешь, и почему? – вдруг появился еще один покупатель, кавказкой внешности, отпихнув предыдущего.

– Да, прошу три косяра, деньги нужны срочно, – Арсен с опаской стал оглядываться по сторонам. Такое внимание к его персоне было неспроста.

– Я возьму, вижу размер мой, – сказал кавказец, протягивая купюры Арсену, – что-то дешево продаешь, видать цен не знаешь, приезжий, откуда?

Выйдя из толпы, они остановились поодаль.

– Я из Баку, – протянув руку для рукопожатия, сказал Арсен, : – а ты?

– Я так и понял, я тоже из Баку, ты – армянин? – и получив утвердительный ответ, с радостью стал жать руку Арсена.

– Тебе повезло, брат, что я рядом был, они уже собирались тебя кинуть*. Здесь же все схвачено, новичков со стороны грабят только так, осторожнее надо быть. Давно в Москве, чем занимаешься, как звать? – засыпал вопросами новый знакомый Арсена.

Через час, познакомившись, – земляка из Баку звали Сергей, – молодые люди сидели в ресторане «Прага» на Арбате.

– У меня здесь бригада, работаем на двух столах, продаем всякую хрень, что подкинут. Надо следить за всем, и за ментами, и за ворами, и за ребятами из бригады, чтоб не напортачили. Может пойдешь ко мне, за одним столом будешь смотреть, но деньги общие. У нас общак*. Живем все вместе, в одной квартире, продукты покупаем вместе, так проще и дешевле, – соглашайся, тебе все-равно некуда деться?! Так началась столичная жизнь Арсена, – сытая, хорошо обеспеченная, но полная неизвестности, риска и тревоги. Познакомившись с ребятами из бригады Сергея, он с удивлением отметил, что все они не москвичи, приехали из разных концов страны за легкой жизнью, заработать денег. Но у всех была какая-то своя история, что-то не сложилось в жизни, пошло не так. Был там Назир – парень из Узбекистана, маленького роста, но с отличным голосом. Он раньше пел в переходе перед Арбатом и песня Лозы «...на маленьком плоту» в его исполнении собирала всегда толпу зрителей. Была Марина, девушка Назира, приехавшая поступать в театральный из

*кинуть – обмануть

*общак – деньги, собираемые криминальными элементами для определенных целей

далекого Челябинска, но не смогла, и пробовала поступить уже третий год. Была еще одна семейная пара молодых из Саратова, – два года назад, привезя какой-то товар на продажу, были обворованы и ограблены. Теперь собирали деньги, чтобы вернуть за товар. И еще пара, тройка ребят, пацанов из институтов, подрабатывающих на жизнь. Сам Сергей был мелким воришкой, карманником, прошедший школу воровства еще на малолетке*. Дело, которым они занимались на Арбате, было нехитрое, но требующее артистизма и харизмы. В принципе, все было рассчитано на нехватку всех видов товаров в стране и дефицита, и спроса на них у большого количества проходимых приезжих по Арбату из других регионов страны.

Были поставщики товаров, – различных: рубашки, обувь, свитера, кофты, платья и многое другое. Создавая искусственный ажиотаж вокруг стола, выкрикивая в толпу призывы к покупке всего, потому что дешево и такого нигде нет, за день удавалось выручить на каждого – месячную зарплату инженеров на заводах. Молодые люди из бригады не бедствовали, одевались по последней моде, гуляли по кабакам и веселились. В общем жили одним днем, не задумываясь о туманном будущем вообще. Так называемая «крыша*» на Арбате постоянно менялась, там в разное время хозяйничали и «чехи», и «казанские», и «тюменские», и «люберецкие», но договариваться всегда ездил Арсен, – Сергей все время проводил в казино, сидя за «однорукими бандитами» и просаживая день за днем деньги бригады из общака. И однажды, когда Сергей не смог выплатить месячную дань «крыше», проиграв все в автоматах, – за ним приехали чеченцы и избив у всех на глазах, старшим поставили Арсена.

Прошло полгода. Все члены бригады уже жили отдельно, снимая для себя жилье сами, новый бригадир деньги делил между всеми поровну, без всяких «общаков». Арсен понимал, что такая жизнь не для него, и готовился уехать, понимая, что просто уйти ему не дадут. Денег он скопил достаточно, чтобы прожить месяцев шесть на первое время. Общаясь с домом, с родителями, он узнал, что Гюнель живет хорошо, и дочка его – Айлин, становится красавицей день ото дня. Арсен решил съездить на два-три дня домой, чтобы забрать семью. Оставив за старшего Назира, он вскоре уже сходил по трапу самолета в аэропорту Баку.

Позади были уже радостные обнимания и поцелуи с родными. Уложив дочурку спать, Арсен и Гюнель сидели на кухне.

– Я не поеду сейчас с тобой. Лала еще маленькая. Жилья там своего нет. Работа не официальная, не стабильная. Да и мать с сестрами здесь, – Гюнель говорила какими-то заученными фразами, не своими словами. Явно был слышан посыл ее старшей сестры Назы.

**малолетка – ребенок в криминале*

**крыша – обеспечение защиты бизнеса со стороны криминала*

– В конце концов я женат на тебе, а не на Назе. У тебя что, своей головы нет? А как же наша семья, ребенок наконец? Ты же знаешь, что я здесь жить не смогу. Да, кстати, а где деньги, золото, куда все подевалось?

– Все лежит у мамы, для сохранности, целее будет, – с невозмутимым видом ответила Гюнель.

– Ты очень изменилась, Гюнель, а где чувства, любовь наконец? Куда все это делось? – Арсен пытался хоть как-то достучаться до нее. Она молчала, и все было тщетно.

На следующий день Арсен продал свою машину и попрощавшись с родителями, собрался в дорогу. Мама еще работала на своей должности, но намеки на увольнение уже стали поступать в ее адрес. Отчим где-то работал, но его денег хватало только на него самого, как и было всегда. Аида была рада, что сын уезжает:

– Я же тебя предупреждала, сын, что она не искренняя и тебя не любит, а только девочку жалко. Ну ничего, я за ней присмотрю. Езжай поскорее отсюда, от беды подальше, – обняв сына на прощанье и незаметно от него вытерев слезы, тихо сказала она.

Уезжал он с тяжелым чувством, словно чувствуя безвозвратную утрату чего-то очень дорогого и родного. Любовь, как кувшин, наполненный чувствами, дал глубокую трещину. Ему так казалось...

Глава 16 Лида

Самолет был на восемь вечера. Билеты заранее Арсен не брал, зная, что всегда возьмет у спекулянтов в аэропорту. Оставалось два часа до посадки. Из багажа у него была только небольшая барсетка, модная в 90-х. Проезжая в такси мимо небольшого магазина, Арсен увидел, как двое парней избивают девушку. Остановив такси, он выбежал из него и схватил одного из парней за руку, —

– Вы что, совсем офонарели, девчонку бить, что случилось?

– Да она у нас деньги украла и не отдает, что, по головке погладить? – второй держа девчонку за шиворот, не собиравшись ее отпускать.

– Сколько должна? – Арсен полез в карман за деньгами.

– Сто долларов, – быстро сказал державший девушку герой.

– Какие сто долларов? – подала голос пострадавшая, – пятьдесят же было.

– А ты вообще заткнись, пятьдесят было месяц назад. Теперь – сто, – парень не утихал.

– Так, все, – вот сто, – отпусти ее, – Арсен взял девушку за руку и повел к машине.

– Ты дурак, парень, она еще и тебя нагрееет., – смеясь вслед Арсену, крикнул один из нападавших.

Посадив девушку на заднее сиденье и сев вперед, Арсен спросил у нее.

– Куда тебя отвезти?

– Мне ехать некуда, с мамой поругалась, – а ты куда едешь? – нагло спросила она.

– Я в Москву, – улыбаясь ответил он.

– Возьми меня с собой, – я буду за тобой ухаживать, – уже помягче произнесла незнакомка.

– А родители что скажут? Они же тебя искать будут? – Арсен удивленно повернулся назад.

– А мы ей позвоним, – улыбнувшись, ответила незнакомка.

– Тебе сколько лет? Паспорт есть? – внезапно приняв решение, спросил Арсен.

– Мне девятнадцать уже, совершеннолетняя, – с вызовом произнесла она.

– А вещи как возьмешь?

– Вещей нет, надо будет купить, – улыбка на лице и искорки в глазах сделали все за нее.

Через полчаса они уже стояли в аэропорту у телефонного автомата. Девушка разговаривала с матерью. После довольно долгого разговора она передала трубку Арсену.

– Мама хочет с тобой поговорить.

– Здравствуйте, – от неожиданности Арсен даже растерялся.

– Молодой человек, я вас совсем не знаю, но ваш голос внушает мне доверие. Не обидите дочь? – вопрос повис в воздухе.

– Не обижу, будьте уверены, если ей там не понравится, она скоро прилетит обратно, прощайте, – Арсен, отдав трубку девушке, подождал окончания их разговора и взял паспорт у девушки.

Через час они уже летели в самолете.

– Ну что, давай знакомиться, незнакомка. Меня зовут Аслан. Близкие называют Арсе-ном. А тебя? – Арсен внимательно разглядывал попутчицу. Девушка особой красотой на отличалась, но что-то привлекательное в ней было. Она абсолютно была не в его вкусе. Но он соби-рался предложить ей поработать в бригаде, тем более, что одна из его девушек уехала насовсем домой, так и не исполнив свою мечту.

– А меня Лида, – с кокетством ответила попутчица.

– Редкое имя, но ты на меня не рассчитывай, ты вообще не в моем вкусе. Я тебя на работу хочу взять, – без криминала и физической нагрузки, – пойдешь? – Арсен внимательно следил за ее реакцией.

– Проституткой что-л.? Не буду. А ты и сам не в моем вкусе, – фыркнула она.

– Какой проституткой, что с ума сошла? Я на сутенера похож, что ли? – взбешенный Арсен уже начинал жалеть о своем поступке.

– Да не психуй ты, на тебе же не написано. В наше время так, как поступил ты, поступают только дураки или сутенеры, когда девчонок на крючок ловят.

– Значит я – дурак, – раздраженный Арсен больше в беседу не вступал.

Глава 17 Обман

За время отсутствия Арсена на Арбате в принципе ничего не поменялось. Сменилась после очередного сходняка воров в законе «крыша». Теперь там правили «казанские». Переговорив с тем, кто контролировал Арбат, Арсен продолжал с ребятами из его группы работать как прежде. В один из вечеров он поднял тему о дополнительном месте, которое он мог бы выбить для еще одной своей бригады. Имея знакомства в разных структурах, он вскоре получил разрешение на торговлю в переходе перед Павелецким вокзалом. Место было проходное, и народ с вокзала буквально сметал все с прилавка. Дела шли хорошо. Во второй бригаде работала и Лида. Она быстро втянулась в нехитрое дело и вскоре заявила Арсену:

– Поставь меня старшей на Павелецком, что я как шавка бегаю между людьми.

– Лида, я тебя никогда не поставлю старшей, там и без тебя проблем хватает, лучше займись своим образованием. Деньги теперь у тебя появились, может поступишь куда-нибудь? – Арсен с надеждой смотрел на нее. Он чувствовал ответственность за эту девчонку, вывезя ее из Баку.

– Мне что, делать нечего, я лучше шмоток себе накуплю, – недовольно фыркнув, она обиженно отвернулась. Арсен не стал продолжать этот разговор.

Дни были похожи один на другой, разбавляясь лишь иногда каким-нибудь криминальным событием. От объема криминальной хроники, льющейся с экранов, из радио и прессы, порой настолько надоедала информация, что хотелось уехать куда-нибудь подальше. Но и подальше было не все спокойно. Вся Россия погрязла в криминале, причем от низов до вертикали власти, и конца этому, казалось не будет никогда.

Стояла холодная зима. Морозы были трескучие, около 15–20 градусов. В один из вечеров Арсен почувствовал себя не очень хорошо. Проводя целый день на улице, он похоже, простудился и довольно сильно. Часам к 10 вечера у него температура поднялась до 40 градусов. Таблеток в квартире не было, и он, позвонив Лиде на квартиру в Мытищах, где она жила с двумя девчонками из бригады.

– Лида, привези мне лекарств, срочно. Возьми такси и заедь по пути в ночную аптеку. Там сообразишь, что купить, а деньги я тебе отдам, – голова кружилась и дыхание становилось все тяжелее.

Примерно через час зазвенел звонок в прихожей. Квартира, в которой жил Арсен, находилась около Хованского входа на ВДНХ, в дипломатических домах. Он недорого снимал ее у знакомых. Накинув жакет, Арсен пошел открывать дверь. Лида с мороза, с клубами легкого пара от дыхания, влетела в квартиру.

– Так, сейчас я буду тебя лечить. Не перечить мне, я проходила курсы, я знаю, что и как сделать.

Уложив его обратно в кровать, она заставила его раздеться. Закутав его по горло в одеяло и накрыв еще одним, Лида достала лекарства и деловито следила за тем, чтобы он все выпил.

– Теперь тебе надо пропотеть, а я пока телик посмотрю, – болтала она, проходя в гостиную.

Вскоре Арсен заснул. Проснувшись, он посмотрел время на часах, – было 12 ночи. В соседней комнате был включен телевизор и шел какой-то боевик.

– Лида, ты не спишь? – Арсен приподнялся на постели. Он был весь мокрый от испарины.

– Нет, что-то надо? – она вскоре появилась в пролете двери. На ней была майка Арсена.

– Извини, я больше ничего не нашла, можно? – она внимательно смотрела на него. В ее словах появились игривые нотки.

– Да можно, конечно, только перекусить захотелось. И еще. Там есть водка. Нагрей ее немного и принеси грамм сто, чтобы холодная не была, и пожевать чего-нибудь. Там в холодильнике разберешься. Давай с тобой поедем, – Арсен чувствовал себя чуть лучше.

Через полчаса Лида накрыла небольшой столик у изголовья кровати Арсена. Принеся разогретую водку в стакане, она прихватила с собой еще и рюмку.

– Я тоже с тобой за компанию выпью.

Выпив залпом теплую водку и поморщившись от неприятного ощущения, Арсен сделал пару бутербродов, медленно стал есть. Опершись на спинку кровати и поставив небольшой поднос перед собой на одеяло, он неторопливо уничтожал очередные бутерброды, подаваемые Лидой.

– Наливай еще, только поменьше в стопку, – разморившись от водки и позднего ужина, он решил поддержать Лиду. Не одной же ей пить, тем более в гостях.

Через полчаса Арсен уже спал, сморенный борьбой организма с болезнью и водкой с поздним ужином. Лида осторожно, боясь его разбудить, все убрала и пройдя в гостиную, выключила телевизор. Вернувшись в спальню, она сняла майку и нырнула под одеяло к Арсену, прижимаясь к горячему от температуры телу. За окном на фоне останкинской башни тихо шел снег и стояла глубокая ночь. Одинокие машины с горящими шашечками изредка стояли возле перекрестков в ожидании клиентов...

Прошло шесть месяцев. Все это время Лида жила в его квартире. Наутро после той их первой ночи она так и осталась в квартире. Арсен не возражал. Провалившись два дня, и лечась всеми возможными способами, он на третий день вышел на работу. Ребята что-то говорили про проблему, возникшую с конкурентами. Надо было ее решить.

Лида с ним больше на работу не ходила, все свободное время тратила на посещения магазинов и толкучек. Постоянно устраивая сцены Арсену о нехватке денег. Он пытался с ней опять поговорить об учебе, но ничего не получилось. Однажды вечером, придя с работы, Арсен понял, что она пьяна. Больше он терпеть не мог. Собрав вещи, он позвал ее.

– Будешь жить здесь. Квартира оплачена еще на шесть месяцев. Оставайся. У нас с тобой ничего не получится, извини.

– Как же так, у нас же с тобой все нормально получалось, – она не ожидала такой развязки.

– Нормально было для тебя, а я не могу так, без чувств. Все, пока. На работу не забывай выходить, – взяв сумку и небольшой кожаный портфель он вышел из квартиры. Вслед неся отборный мат. «Да, мы разные», – подумал он.

Так прошло четыре месяца. В один из вечеров после работы, в его новой квартире прозвучал звонок.

– Мне надо с тобой срочно поговорить, приезжай, – голос Лиды не предвещал ничего хорошего.

Приехав через час и открыв дверь в квартиру своим ключом, он обнаружил Лиду в ванной, сидящей у унитаза. Ее рвало.

– Что-то съела не то? – спокойно спросил Арсен.

– Да нет же, я беременна, уже четвертый месяц! , – истерично закричала она, складываясь пополам от приступов тошноты.

Арсен побледнел, такого поворота он не ожидал. Как же она смогла скрывать все это время? И главное, – зачем?

– Как беременна? И четвертый месяц? Ты что, совсем с ума сошла, что теперь с этим со всем делать? Тебе же нельзя теперь делать аборт...

Арсен в гневе выскочил на балкон. Он был совсем не готов соединить свою судьбу с Лидой. Они были совершенно разные. Позволив ей остаться, он сам навлек на себя проблему. Девчонка просто воспользовалась ситуацией, не сказав вовремя про беременность. А что делать теперь? Ломать девчонке жизнь он не имел морального права. Настаивать на аборте,

без гарантии о ее будущей возможной беременности он не имел право. Выкурив три сигареты подряд, и приняв решение, он вошел в комнату. Лида лежала на диване перед телевизором.

– Завтра же летишь в Баку. Я сниму квартиру, будешь жить рядом со своей мамой. До родов буду высылать тебе денег на жилье и пропитание. Кровать и все необходимое куплю, когда родишь. Ребенок мой, и я буду о нем заботиться. Без комментариев. Решение я не изменю. Собирайся понемногу, я позвоню, когда приеду за тобой.

Лида сообщила ему о предстоящих родах, он прилетел на следующий день. Вскоре, в преддверии Нового Года, на свет 13 декабря родился Фарид. Записав пацана на свое имя, Арсен обставив квартиру детской мебелью, купил коляску и все необходимое. На память подарил Ладе золотую цепочку с крестиком и кольцо. Побыв два дня, и повидавшись с матерью, он улетел обратно в Москву. Лиде оставил денег и пожелание, чтобы держала его в курсе происходящих событий с пацаном. Но Лида стала пить и гулять. Прогоуляв все деньги и драгоценности, подаренные Арсеном, она уже через две недели стала названивать ему. Когда, после звонка Аиды, приехал из Москвы Арсен, то, что он увидел, вконец убедило его в правильном решении. Было жалко только пацана, но поговорив с матерью Лиды, он немного успокоился о судьбе Фариды. Лида в пьяном угаре стала шантажировать Арсена разоблачением его национальности, и вызвала милицию. Заплатив им сто долларов за беспокойство, Арсен срочно улетел в Россию. Тогда казалось, что ненадолго. В дальнейшем, высылая деньги матери Лиды, он все время мучался мыслями о судьбе пацана, который рос мало что без отца, да еще и с такой матерью. Но судьба все равно внесла свою лепту в судьбу Фариды, – его сына, и его самого...

Глава 18 Отъезд в Ригу

События конфликта утихли после массового побега армян, но война вспыхнула на границах Нагорного Карабаха. Маму Аиду попросили написать заявление об уходе с работы, при всем уважении к ней, как объяснили. Она зарабатывала на жизнь, обшивая соседей и знакомых, а отчим, так и продолжал жить только для себя, как и было всегда.

Арсен решил уехать в Ригу. Он всегда мечтал там побывать, и понимая, что пора заканчивать с разгульной жизнью в Москве, купил билет. Вечером, собрав ребят в кафе, он сказал об отъезде, не называя места. Молодые люди, с сожалением отпускали друга, но понимали, что рано или поздно, это случится со всеми. Но как, они тогда еще не знали. Назира через два месяца найдут застреленным в квартире. Марина, забрав накопленные деньги, уедет в Крым, но ее найдут и посадят на восемь лет. Семья из Саратова сначала откроет кафе в Москве, но во время одной из перестрелок между бандитами жена будет случайно убита и ее муж куда-то пропадет на просторах России.

Но тогда этого еще никто не знал. Ребята отметили отъезд друга и попрощались. Арсен улетел.

По прибытию он снял себе квартиру на окраине Риги и первый месяц предавался осмотром старой части города с привокзальной территорией, городского рынка с его неизменным латышским колоритом продаваемой продукции, пару раз выезжал за город. Город после Москвы был тихим и спокойным, но волна «передела» постсоветского пространства коснулась Латвии тоже. Закрылись заводы «ВЭФ» и «РАФ», которые были основными поставщиками микроавтобусов и электроники на рынки СССР. В страну хлынули западные эмиссары, предлагающие золотые горы за отделение от восточного соседа. Криминал в основном состоял из двух группировок. Одна была создана бывшими офицерами из силовых структур Латвии, а другая из блатных с криминального мира. И эти две группировки как-то могли толерантно уживаться в маленькой стране.

Вскоре, задумавшись о хлебе насущном, Арсен занялся поисками работы, понимая, что его сбережений надолго не хватит. Присмотрев одно из мест, он поехал на собеседование.

– Нас интересуют водители большегрузов для работы в Австралии и Новой Зеландии. Нужно найти таких желающих и привести к нам. Вы на наших бланках с печатями заключаете с ними соглашение, берете у них по семьдесят долларов. Двадцать оставляете себе, пятьдесят переводите нам. Передаете нам копии документов, оплативших людей и мы их вызываем к себе для дальнейшего оформления, Вам все понятно?

– Понятно, а количество работников ограничено?

– Нет, ограничений нет.

Ничего не подозревавший Арсен, подписав договор о сотрудничестве, и взяв у них реквизиты для переводов, с головой окунулся в новую работу. Перспектива заработка ему понравилась, и он развил бурную деятельность. Разместив объявление в рекламной газете о найме на работу за границей, он стал ждать звонков. Они посыпались градом...

В эти время произошло еще одно событие, которое повлияло на жизнь Арсена. Он случайно встретился с Назимом, тем самым соседским мальчишкой, с которым в далеком детстве в селе у бабушки играли, ходили на рыбалку и в тот знаменитый поход за лесной малиной, где повстречались с медведем. Судьба снова свела их вместе. Назим торговал на Рижском рынке. У него было место, где он выставлял товар, привезенный из Азербайджана: зимние пуховики, дутые сапожки, джинсы и кожаную обувь.

Поделившись воспоминаниями, друзья детства сидели в летнем кафе в одном из скверов Риги.

– Ты что-нибудь знаешь о бабушке Егануш? – взволнованно и с надеждой спросил Арсен у друга.

– Только то, что после отъезда Фархада, твоего отчима, к ней два раза приходили с народного фронта, предлагали вывезти ее на границу с Арменией, – но она отказывалась. Потом однажды ночью был какой-то шум, отъезжала машина, мы не смогли ничего увидеть. А утром, когда моя мать относила ей молоко, как обычно, ее в доме уже не было. Позже узнали, что пропали еще шесть человек: двое калек-инвалидов, один слепой, и еще три пожилые женщины. Пятеро были армяне, а одна – удинка. Видели как их сажали в какой прицеп-рефрижератор и вывезли. Куда – никто не знает...

...Лишь спустя годы, Арсен узнает, что бабушкин дом каким-то образом оказался в собственности у старшей сестры Назима, и она с мужем принимала непосредственное участие в вывозе бабушки. Но о ее смерти неизвестно по сей день...

– Ты где остановился, давай перебирайся ко мне, вдвоем веселее, – предложил Арсен Назиму. Тот согласился с радостью. Но судьба в очередной раз готовила сюрприз друзьям. В один из дней Назим позвонил Арсену и предложил прийти в кавказский кабак около вокзала, он отмечал свой отъезд, -весь товар был продан, и он собирался ехать за новой партией. Зная про репутацию этого кабака, Арсен помчался туда. Назим сидел в компании каких-то грузин и двух девиц. Приняв уже прилично, он никуда не хотел уходить, несмотря на все уговоры друга. Забрав у него ключи от квартиры, и заручившись обещанием, что в полночь тот будет ждать его у ресторана, Арсен уехал на встречу с клиентами.

Было 12 ночи. Сказав таксисту, чтобы тот его ждал у ресторана, он зашел в ресторан. В опустевшем зале только за одним из столиков сидела воркующая парочка. Назима и его шумной компании нигде не было. Заподозрив неладное, Арсен крикнул таксисту – Гони в Вец-милгравис, быстрее. У него на квартире лежали и деньги, и золото, которое он скупал подешевле при случае, и деньги клиентов, которые он приготовил для перевода в офис конторы, где он работал. Подъехав к дому, Арсен взлетел на второй этаж. Дверь от квартиры была открыта...

Назим лежал на диване в одежде, слава богу, что хоть был жив. Проверив тайник, Арсен пришел в ужас, -там ничего не было. Вынесли все, даже видеоманитофон и его летние вещи с шлепками. Копии документов клиентов были раскиданы около заведенной им картотеки на полу. На столе оставались следы бурного веселья компании. По приборам, их было пятеро. Все попытки разбудить Назима ни к чему не привели. Во рту от волнения пересохло. Взяв со стола начатую бутылку с Колой Арсен осушил ее до дна. Набрав номер милиции и вызвав наряд, он закурил и стал нервно затягиваться. Провал...

В бутылке с Колой оказался подмешанный клофелин, любимое оружие кидал и мошенниц того времени. Поэтому Арсен и не мог разбудить Назима. Когда милиция прибыла на место, он уже сам тоже был в отключке. Поэтому взять у друзей показания смогли только вечером следующего дня. Оказалось, что грабители, услышали разговор Арсена с Назимом и узнав у него адрес, приехали к дому, забрались на балкон второго этажа по решетке на балконе первого. Разбив стекло на балконной двери, попали в квартиру. Назим со своей деревенской простотой все им рассказал, – и про деньги, и про золото, и про своего друга детства, – и отключившись от подлитой дозы клофелина, подписал себе приговор. Появился еще один висяк в большой папке таких же нераскрытых преступлений.

Наоравшись на Назима, Арсен вскоре успокоился, глядя на уткнувшегося в пол друга.

– Билет на обратную дорогу у меня есть, я завтра уезжаю. Деньги на товар брал у брата, я с ним разберусь по долгу, а что будешь делать ты? – Назим вопросительно и с сожалением смотрел на друга.

– Как всегда, буду выкарабкиваться с этой ситуации, господь поможет, – в сердцах сказал Арсен, подсчитывая в уме необходимую сумму для перевода в контору. Она была на тот момент недостижима для него. Но надо было срочно ее найти.

Друзья прощались на вокзале. Назим по-деревенски долго извинялся, оправдываясь за свою ошибку, но Арсен, махнув рукой и крепко обняв друга, пожелал ему самому удачи и быть осторожным во всем, и со всеми попутчиками, зная, какого рода публика катается в поездах перестроечной эпохи великой некогда страны. Его он больше не видел, но слышал от общих знакомых, что Назим живет теперь на востоке России, в далеком Красноярске.

Глава 19 Жертва афериста

Офис конторы, где работал Арсен, находился в новом, только отстроенном здании, облицованном зеркальным стеклом. Располагалось здание в центре Риги, недалеко от центрального парка со стелой в честь освобождения Латвии от немецких захватчиков. Придя в офис своей фирмы, Арсен записался у секретаря на прием к руководителю, и в ожидании приема стал внимательно присматриваться к происходящему в клиентском зале. Какие-то люди приходили и передавая конверты операторам, тихо уходили. Двое, наверное, тоже в ожидании аудиенции начальника, сидели возле столика с кулером и просматривали журналы. Работников в зале было человек шесть и еще столько же сидели по кабинетам. Дела у фирмы, видимо шли хорошо, операторы то и дело отвечали на звонки и куда-то перенаправляли абонентов. Просидев часа два и подойдя к секретарю, Арсен поинтересовался, как долго еще осталось ждать. С удивлением, вздернув бровь, секретарь громко произнесла:

– У нас начальник не встречается с агентами, Вы записались, с Вами свяжутся. Но это будет региональный менеджер. До свидания.

Тогда Арсен даже не предполагал, какого масштаба эта фирма и в какую международную сеть аферистов он попал. Первые признаки появились через три месяца после того, как он устроился туда на работу. Ему начали поступать звонки от его клиентов, с жалобами на то, что их никто не вызывает, а по договору сроки уже давно вышли. Арсен обещал им разобраться. Просмотрев картотеку, куда он аккуратно складывал все копии договоров и денежных переводов, он посчитал, что клиенты, срок ожидания которых прошел, набралось около шестидесяти человек. Прозвонив некоторым из них, он выяснил, что им также не поступало приглашений на собеседование. Заподозрив неладное, взяв с собой список клиентов с просроченными договорами, Арсен помчался в офис. Со дня его последнего посещения прошло около десяти дней. Офис был закрыт!!! Объявление на двери гласило, что всем агентам на днях сообщат о новом адресе... У Арсена внутри пробежал холодок. Вернувшись домой, он стал просматривать пустые бланки договоров с проставленными печатями и подписью руководителя фирмы. Ему это все только теперь показалось подозрительным...

Утром на следующий день его разбудил звонок в дверь. Открыв ее, он увидел троих мужчин в штатском.

– Вы Агаев Аслан? – спросил один из них.

– Да это я, – утвердительно ответил Арсен.

– Вы задержаны по подозрению в мошенничестве, собирайтесь...

В кабинете у следователя во время допроса Арсен все подробно изложив, показал всю документацию, которую он вел, квитанции переводов, пустые бланки, выданные ему на фирме. Следователь удивлялся все больше и больше. Что-то не сходилось у него для создания образа мошенника. Единственно, что смущало его, так это наличие у Арсена пустых бланков с печатями фирмы и подписями. Это его настораживало. Отправив оперативников по адресу, указанному задержанным, следователь рассматривал картотеку, изъятую из его квартиры.

– Сколько их у Вас, Агаев, знаете? – спросил он.

– Триста сорок четыре человека, и каждого знаю лично, – ответил Арсен, не задумываясь.

– И Вам не стыдно, у них же семьи, дети, как вы по ночам спите? – следователь в упор посмотрел на задержанного.

– Я такой же потерпевший, как они, я не предполагал даже, что эта фирма вдруг исчезнет. Слава богу, что я хоть документы скопировал, хоть есть, чем оправдаться.

– Вы не похожи на азербайджанца, и говорите без акцента, кто вы на самом деле? – с интересом обратился следователь к Арсену.

– Я армянин по рождению, но после усыновлен азербайджанцем.

– А почему у Вас и имя, и национальность азербайджанские, это было невозможно сделать по закону при усыновлении, – что-то вы темните, гражданин Агаев, будем разбираться, – и вообще, была ли эта фирма, которую видели только вы?

Глава 20 Тюрьма

Рижская тюрьма представляла собой старое здание дореволюционной эпохи и располагалось почти в центре города. Большинство камер было рассчитано на пятьдесят человек, но были и одиночки. В свете новой эры демократии, о которой трубили на каждом углу в Латвии, послабления коснулись и тюрьмы. Заключенные пробили в боковых стенах, в полу и в потолке проемы и дыры, через которые спокойно проходил человек. С потолков свисали сплетенные из старого постельного белья канаты, а по бокам помещений зияли дыры, завешенные простынями, по которым заключенные могли передвигаться по всем камерам. Около каждой дыры в полу дежурили посменно двое, которых называли «конями». Иерархия в камере заключенных, задержанных первый раз, делилась на «пять столов». Первый стол начинался в дальнем конце камеры и его занимали так называемые «блатные», поставленные старыми рецидивистами. Дальше шел второй стол, члены которого следили за порядком в камере, занимались контролем процесса распределения вновь прибывших. Третий стол занимался изготовлением длинных трубок, напоминающих оружие аборигенов Новой Гвинеи, стреляющих иглами, для налаживания веревочной связи между корпусами тюрьмы и близлежащими гражданскими зданиями при помощи так называемых «шпуль»*. Четвертый стол занимался изготовлением этих «шпуль». А пятый стол состоял из «коней»*, которые помогали ползущим вверх по канатам с нижних этажей и передавали различные сообщения или предметы через дыры. Т.е. все камеры, и с рецидивистами, и с теми, кто попал в тюрьму первый раз, были одним единым криминальным муравейником, который после вечерней поверки превращался в какой-то одному дьяволу подвластный человеческий ад с пьяными блатными, пляшущими канкан «опущенными», стонущими избитыми, у которых отобрали приглянувшиеся вещи или сигареты с чаем. Такого беспредела не знала ни одна российская тюрьма.

Первое, что услышал Арсен в камере, куда его впустили и за ним закрыли засов, был крик: – Мясо!!!, – от которого пробежал холодок по спине. Сидя на каких-то кирпичках в углу камеры около входной двери, он с непонятым изумлением смотрел на пробитую большую дыру в бетонном полу, откуда то и дело появлялась протянутая рука, которую схватывали двое стоящих у дыры мужиков и вытягивали человека в камеру на этаж. Где-то в дальнем углу из дыры в потолке свисал канат, по которому поднимались и спускались мужики. Какие-то люди вдруг появлялись из стены, из отверстия за занавеской и пересекая камеру, исчезали за такой же занавеской в противоположной стене. Вскоре вокруг него собралось человек десять, появившихся из разных сторон в камере:

– Ты кто по жизни, старик, и за что попал? – спросил один из них, с интересом разглядывая спортивный костюм известного бренда на Арсене, – и «чеботы» у тебя ничего, пойдут, – продолжил он, переключив внимание на его кроссовки.

– Бродяга я по жизни, старик, а попал сюда по недоразумению, скоро

**шпулья – плотная бумага, свернутая в виде тонкого конуса*

**конь – здесь. Один из арестантов, выполняющий роль посыльного в тюрьме.*

разберутся и выпустят, – ответил Арсен, – а вот вещи не отдам, может только с трупа снимете.

– А ты борзый, звать то как, не Петушок случайно, – прогнусавил один из окруживших его, и тут же получил сильный удар по челюсти от Арсена. Толпа дернулась и немного отступила.

– А с бабами как, по соленому заезжаешь небось? – прохрипел чей-то голос из толпы.

– А ты мне сам расскажи, я смотрю тебе вкус знаком, – также в толпу ответил Арсен.

– А ну разойдись, братва, дайте мне эту дерзкую «грушу», давно кулаки не чесал, – из толпы вышел здоровый парень спортивного телосложения, на голову выше новенького, – проверим, какой ты на деле...

Минут через тридцать Арсен стоял у умывальника и разглядывал себя в зеркало. Нос был сломан и из него текла кровь. Потрогав его, он понял, что кость раздроблена и исправить его надо сейчас, потом будет поздно. Сжимая нос пальцами и на ощупь находя раздробленные кости, Арсен стал осторожно сдвигать их на место. Кости хрустели, двигаясь под кожей, в глазах темнело от боли, но вскоре вроде все стояло на месте, но все вокруг носа и глаз опухло и посинело. Смыв кровь и приложив мокрое полотенце к носу, Арсен прилег на койку на нижнем ярусе, которую ему показали. Так началась его тюремная жизнь. Совсем не такой он себе ее представлял, слушая рассказы о тюремной жизни сидевших в России людей.

Перед ужином к нему подошел парень лет 25-ти, – Линард, я смотрящий за этой «хатой» – представился он. – А ты молодец, не спасовал перед пацанами, у нас каждый второй сбегает. А кто остается, всех куда-то пристраивают на работы «конями» или «шпули» делать. А ты пойдешь ко мне, за второй стол, будешь за порядком в «хате» следить, пацан ты правильный, разберешься. Костюм и кроссовки отдай «прачке» за четвертый стол, чтобы отмыли от крови. Убери потом подальше от глаз, чтобы не отобрали. «Прачке» надо заплатить чаем или сигаретами, у нас за все здесь платят, если сам не хочешь делать. Да, кстати, у нас объявлена голодовка, – требуем амнистию, так что жрать не придется. Пацан, который тебе нос сломал, – Малыш, – чемпион Европы по боксу, когда пьяный, вообще безбашенный, он за это и попал сюда.

Деньги, которые Арсен взял с собой в тюрьму, надеясь на быстрое освобождение, быстро кончились, и ему пришлось иногда играть в нарды на сигареты. Из-за объявленной голодовки передачи были запрещены и сигареты были только у осужденных, которые ждали отправки на зоны. Благодаря дырам в стенах, прослышав, что в камере первоходов есть игрок в нарды, к нему на игру приходили заключенные из других камер. Арсен всегда делился выигрышем в своей камере и еще отправлял вниз, на первый этаж, где сидел вор в законе, смотрящий за «общаком». Из-за голодовки, много играть было невозможно, и выиграв немного сигарет или чая, он уходил к себе, чтобы лечь и не расходовать энергию понапрасну. Вдоволь было только чая и сахара, который регулярно присылали в камеру из «общака».

Через месяц на допросе у следователя выяснилось, что директор фирмы, в которой работал Арсен, дал показания, что задержанный выкрал у него в офисе бланки договоров, а в электричке, по дороге домой, был ограблен. У него, якобы выкрали барсетку с печатью фирмы. Арсену инкриминировали еще две статьи уголовного кодекса. Он понял, что следствие затянется. Через месяц в материалах дела появились новые фигуранты, такие же нанятые на фирму работники, как и Арсен, но местные. Их никто не задерживал, они только дали подписку о невыезде. Арсен тщетно пытался упросить следователя отпустить его также под подписку, сидеть до суда пришлось долго.

Шел восьмой месяц в тюрьме. Вышла амнистия, но она коснулась лишь некоторых из сидевших в ожидании суда заключенных. Голодовка закончилась, но есть тюремную баланду он так и не смог. Собирая нарезанный картофель из супа, он жарил его на растительном масле на собранной им электроплитке. Запчасти на нее он выменял у заключенных на чай и сигареты, выигранные в нардах. Масло ему давал сосед по шконке. Иногда, получив передачу, его приглашали на застолье заключенные, в благодарность за сигареты и чай, которыми Арсен всегда делился сокамерниками. Привыкать к такой жизни он не собирался, но надо было выживать, надеясь на освобождение. В один из дней к нему на игру пришел уже не раз сидевший Виктор. Арсен знал, что тот сидит в камере с вором в законе, смотрящим за общаком, и что-то его настораживало. Виктор слыл неплохим игроком.

– Играть будем по пачке на кон, – сказал он, – зарики бросаем через стакан, договор?

Играли долго, и проиграв пачек сто, Виктор, озлобленный проигрышем, процедил сквозь зубы:

– Никуда не уходи, я продолжаю. На реванш. Отказать не имеешь право! – Послав одного из пришедших с ним за сигаретами в свою камеру, что-то шепнув ему на ухо, он произнес угрожающе Арсену:

– Я тебя закопаю в долгах, азер, ты еще задницей расплачиваться будешь.

– Я не азер, и моя задница тебе не сейф, сначала к фарту шифр подбери. Пока я жив, ты в проигрыше будешь. А кто в проигрыше, у того и задница на кону... – спокойно сказал Арсен и попросил «коня», чтобы из хаты Виктора прислали заряды на игру.

Вскоре прибыл гонец, которого посылал зачем-то Виктор и принесли новые заряды Арсену с запиской от вора: – Фарта тебе и не забывай про общак...

Гонец Виктора приволок целый баул сигарет, там было пачек 500.

– Играем по 10 пачек. Мне надо отыграться. Я проиграл 40 пачек, значит четыре игры подряд. Таковы законы тюрьмы, и тебе придется играть по этим правилам. Десять пачек на кону – поехали.

Прослышав про невиданную доселе игру с такими ставками, со всех камер стали собираться любопытные заключенные. Вскоре камера напоминала современный бар во время финального матча по футболу.

Через десять игр сто пачек перекочевали на шконку Арсена. Виктор был взбешен не на шутку: – Двадцать пачек на кон, я ставлю. Этого не может быть, ты мухлюешь...

– За базар отвечать надо Виктор, докажи, – потом я отвечу, а тебе пора завязывать, очень большой проигрыш, нездорово это, что-то нечисто – откуда столько сигарет у тебя?

Толпа заключенных одобрительно загудела:

– Кончай Виктор, хватит бакланить, Арсен дело говорит, не по-людски это, у мужиков сигарет не хватает, а ты свои припрятал, не делишься, а проигрываешь.

– Кто посмеет против слова сказать, – сигареты мои кровные, что хочу, то с ними и сделаю – угрожающе рявкнул он, сжав кулаки, – а вы все черножопого поддерживаете? Скоро увидите, как его задницу всем на обозренье выставлю!

– Ты меня достал, Виктор, сам напросился – объявляю три игры по сто пачек. И баста. Кто с чем остался – не факт, расход по любому. Ты сделал ошибку, что базаришь лишнее, господь тебе судья! Тебе некуда деться, закон игры таков, – Арсен в сердцах стукнул по столу.

Через час побелевший Виктор молча встал со стола и с угрозой в словах, – тебе конец! – исчез в дыре, спускаясь по канату вниз. Через три часа, после проверки, Арсен, оставив десять пачек с игры себе, двадцать отдал Линарду со словами: – эти при любом раскладе наши.

Остальные, – их было больше четырехсот, – послал в нижнюю хату с запиской: Это общак, дело святое, и руки марать мне арестантская честь не велит. Мог бы забрать больше, но ты лучше знаешь и разберешься, как поступить, я молод еще...

В хате было тихо, в этот день все намаялись после бурных обсуждений игры Виктора с Арсеном. Не спали только «кони», которые были всегда начеку. Вскоре с нижней хаты поднялось шесть человек, которые несколькими ударами вырубил «коней» и направились к шконке Арсена. Сверкнуло лезвие ножа, опускающееся на тело под одеялом.

– Проклятье, его нет! – прохрипел нападающий, – и нож сломался о сетку шконки!

– Где он!, – заорал Виктор, ногами стуча по шконке «опущенных»*,

**опущенные - самая низшая ступень в тюремной иерархии*

– убью, если не скажете! – Через минуту один из них, часа два назад ублажающий Виктора, с услужливым видом сообщил ему, что Арсен уже месяца два живет в соседней хате, у особистов*, а вместо себя присылает на проверку другого человека. Послав от имени Линарда сообщение Арсену, чтобы он срочно пришел в хату, Виктор и его «шестерки» затаились у дыры к «соседям». Лезть к «особистам» они боялись, зная их крутой нрав. Вооружившись кирпи-

чами, они затихли. Вскоре ширма дернулась и появилась голова Арсена. Удар кирпичом пришелся по касательной, он успел увернуться. С ревом кинувшись на него, нападающие стали наносить удары руками и ногами. Отбиваясь, Арсен, пытался прорваться обратно в соседнюю хату, но удар кирпичом по спине свалил его без сознания. На шум многие проснулись, и Линард тоже. Увидев, что тот ринулся на помощь сокамернику, Виктор заорал: – не лезь, это мое дело!

Трое из нападавших кинулись к Линарду и повалили его на землю. Оставшиеся во главе с Виктором стали тащить Арсена к входной железной двери. Взяв его за руки и ноги и раскачав, со всей силы ударили об дверь. Схватив обмякшее тело, они сбросили его в дыру в полу. Вырвавшись, Линард рванулся к Арсену, но чуть не успел. Раздался глухой звук упавшего на бетон нижнего этажа тела. **ТЮРЬМА ПРОСНУЛАСЬ.**

На шум прибежали охранники. Сначала открыли дверь в камере, где сидел Арсен. Ворвавшись туда, они увидели только следы крови, ведущие к отверстию в полу. Заглянув в него, и увидев, что внизу лежит тело, он по рации сообщил увиденное. Через минуту в нижней камере тоже открыли дверь. Охранники вчетвером вынесли Арсена из камеры и положили в коридоре. Признаков жизни не было. Минут через десять пришедшие медики, проверив пульс, срочно унесли окровавленное тело в санчасть.

Всех находящихся в камере, где сидел Арсен, вывели в коридор. Вызванные бойцы спецподразделения милиции в полной экипировке и в масках не церемонились с задержанными и вскоре ни один не мог стоять на ногах. Получив порцию ударов дубинками по икрам и почкам, люди падали как подкошенные. И ирония судьбы была в том, что в избиении Арсена ни один из них не принимал участия. Но кара вскоре настигла и виновников, и поверьте на слово, они бы с радостью пожелали оказаться на месте корчившихся от боли на бетонном полу в коридоре.

Прошел месяц. Заканчивалось лето. Сквозь решетчатые окна санчасти Арсен задумчиво наблюдал за собирающимися в косяки птицами и улетающими на юг. У него срослись переломанные ребра, гематомы на теле сначала окрасились в желтый цвет, а позже и вовсе рассосались. Остались лишь головные боли и головокружения при резких движениях. Пару раз к нему в палату приходил офицер по надзору со множеством

**особист – уголовник, отсидевший несколько сроков*

вопросов об участниках избиения, но последний раз Арсен протянул ему лист бумаги с описанием своего случайного падения в дыру в полу. Больше его не беспокоили. После его выписки ему предложили спокойно досидеть до суда в двух местной камере с одним из тех, кто ранее сбежал из общей камеры. Арсен отказался и вскоре стоял в коридоре перед своей камерой. Лязгнули затворы, отворилась решетчатая дверь и..., то что он потом увидел, повергло его в шок. В камере скопилось человек сто, и все встречали его. Ему протягивали руки, хлопали по плечу, теребили за одежду – это было настолько непривычно, что он несколько минут был в растерянности.

– Ты молодец, что пришел обратно, – не испугался. Вечером после проверки сход, давно тебя ждем, – Прохор «Наган» пожав Арсену руку, повернулся к Линарду: – Головой за него отвечаешь, если что. Через полчаса камера немного опустела, но многие остались, и как оказалось, не напрасно. Виктор жил теперь наверху, над камерой Арсена. Скользя по канату, он и еще трое его шавок двинулись было к койке Арсена, где он уснул после прибытия из санчасти.

– Не пройдешь, Виктор, «Наган» наказал ждать до схода. Осади, и своим скажи, мы не с пустыми руками, – проронил один из «особистов», с соседней камеры, показав тому заточку. Виктора и его бойцов окружили человек двадцать.

– Вы что, совсем рамсы попутали*, за черножопого мне предьяву* делаете? Давил их, – гадов и давить буду, и «Наган» мне не указ, – процедил сквозь зубы Виктор, вновь делая попытку прорваться. И в этот момент свалился, как подкошенный, от удара одного из столпившихся.

– Ты тут не беспредельничай, на зону же в Россию попадешь. Там за все спросят, и за пацана этого тоже. А вечером, сука, за общак разговор будет, готовь задницу, – обычно тихий Осип нервно потирал кулаки, – за все спросим, и за молодняк «опущенный» тобой по беспределу тоже.

Поздно вечером в хате собралось человек тридцать из отсидевших различные сроки и имеющих определенный вес в криминальном мире. Оставили Арсена, и Линарда-как старшего хаты, и еще человек шесть «молотобойцев», как их называли, с Малышом в их числе.

– Вы играли на сигареты, сколько ты выиграл? – спросил «Наган» у Арсена.

– Много, около четырехста пачек. Сначала он проиграл сорок. Когда ему принесли баул с сигаретами на игру, я узнал баул, сам его пустым к вам в хату посылал, когда посылали прогон по хатам, да и откуда у него столько, явно сигареты с «общака» были. Только я сказать тогда ничего не мог, он хотел отыграться, и я должен был играть. У него и тогда и сейчас

**попутать рамсы – уличение игрока в жульничестве*

**предъява – тюрем. обвинение заключенного в каких либо компрометирующих его поступках или действиях, не соответствующих тюремному закону*

дерьмо кипит внутри, голова не работает, а только слепая злоба. Не могу понять только на что, – я с ним незнаком, дорогу ему нигде не переходил, женщин его не знаю и не трогал, ничего не должен. И если имеешь ко мне претензии, давай погорим, как мужики, а не с толпой и во сне, как шакалы, – обратился Арсен к Виктору.

– Мы с тобой давно знакомы, и я тебе скажу, – ты «сcurвился», залез в общак, занялся беспределом. Тебя на зоне все равно заточка достанет, а сейчас со своими дружками «ломитесь» из хат, вам с нами за одним столом больше не сидеть. Баста., – изрек «Наган», угрожающе взглянув на Виктора. На вечерней проверке семеро вышли с матрацами в коридор. Проверяющий даже не взглянув на них, провел перекличку.

Наступил ноябрь 1991 года. Арсен получил извещение о дате судебного заседания. Прошел год со дня его задержания, и надежда на скорое освобождение не покидала его все это время. Он за время пребывания в тюрьме много читал, беря книги из тюремной библиотеки, немного выучил латышский, и теперь в багаже его знаний было уже пять языков. Неумная жажда к действиям и горькая обида на судьбу за незаслуженную потерю года жизни, проведенного в тюрьме, ни на минуту не покидала его все это время.

В зале суда присутствовало довольно много людей. Большинство Арсен знал лично, так как он их вербовал на работу, но были и такие, которых он видел впервые. И вдруг он увидел мать. Женщина постарела за эти два года после его отъезда из Баку, сильно переживая за сына. Жестом поприветствовав его, Аида прижав платок к губам, закачала головой. Не для этого момента она родила сына и воспитала его. Не мог ее сын стать преступником, ее сын – не мог. Спросив у подсудимого о необходимости присутствия переводчика, судья был удивлен чистейшим русским языком у него, прослушав отказ. Прочитали обвинительную речь, и Арсен попросил у судей разрешения самому защищаться, без адвоката. Перечитав уголовный кодекс с аннотациями, просидев год в тюрьме, он был готов к защите.

Говорили потерпевшие, свидетели, даже была секретарша директора с его фирмы. И вдруг судья вызвал самого директора, назвав его фамилию. Арсен его никогда не видел и его взгляду предстал невысокий, полноватый мужчина лет пятидесяти, холеный и в дорогой одежде.

– Вы знаете подсудимого? – спросила судья у свидетеля.

– Нет, впервые вижу, – ответил он.

– А как вы объясните наличие у него и еще у трех человек бланков Вашей фирмы с печатями и Вашей подписью?

– В сентябре прошлого года я был ограблен в пригородной электричке неизвестным. Это вполне мог быть подсудимый, и они все наверняка из одной банды – не моргнув глазом, ответил свидетель.

– В деле, представленном следователем, фигурирует договор между вашей фирмой и подсудимым, подписанный Вами – а это как объясните? – не сдавалась судья.

– Я никакого договора не подписывал, это фальшивка, чтобы опорочить мое доброе имя. Моя фирма не занималась мошенническими действиями, она оказывала консультационные услуги для людей, изъявивших желание уехать за рубеж.

– Это ложь, Ваша честь! – мужчина средних лет и еще трое людей, вскочили со своего места. По залу пронесся ропот недовольных.

– Вам никто слова не давал, если у Вас есть что сказать суду, – представьтесь – судья вопросительно взглянула на мужчину.

П. И. В. – я обращался в эту фирму два года назад в Вильнюсе. Там таких, как я, человек триста, офис фирмы закрыт, этот человек, представляющийся здесь, как Лайвиньш Инар, там мне представлялся под другой фамилией. В Литве он объявлен в розыск.

– Лайвиньш, объясните мне, почему Агаев деньги перечислял Вам лично, а не оставлял себе, если вы его не знаете, и соответственно он Вам ничего не должен? – судья в очередной раз вызвала свидетеля.

– Я больше ничего не скажу, и требую адвоката, – Инар беспокойными глазами искал поддержки в зале – я пришел сюда лишь потому, что такие, как подсудимый, не дают нам возможности нормально жить, и совершенно не соблюдают законы, а почему-то осуждают меня.

– Из-за Вас и следователя, который вел это дело, и который дал показания, как Вы подкупали его, этот молодой человек провел в тюрьме целый год, как вы будете смотреть в глаза его матери? Провести задержание Ивара Лайвиньша для дальнейшего разбирательства. Суд удаляется для вынесения приговора Агаеву Аслану.

– Встать, суд идет!

Во время зачитывания приговора сыну и озвучивания всех статей, по которым он обвинялся, Аиде показалось, что земля уходит у нее из-под ног, и она, потеряв сознание, упала на досчатый пол суда. Арсен перепрыгнул через ограждение и подбежал к матери. Охранник сначала было дернулся, но увидев поднятую руку судьи, остался на месте. Приподняв мать, обняв, и придерживая рукой, Арсен поблагодарил судью кивком головы. Так и выслушал он приговор, сидя с матерью на полу. Списав отсиденный им год в тюрьме на использование поддельного документа, судья освободила Арсена прямо из зала суда.

Вечером, сидя в гостинице, Аида уже успокоившись, что сын живой и невредимый, наконец рядом с ней, сказала Арсену:

– Гюнель с дочкой съехала от нас. Она требовала денег, и я ей заплатила. Она очень изменилась после этих событий, стала такой националисткой. Меня не подпускает к Лале, говорит, что я своим армянским воспитанием порчу ребенка. Что будет с нами дальше, одному господу известно. Мою маму я потеряла, одного сына господь забрал, не хочу и тебя потерять, Арсен, может поедешь со мной в Баку, там будем вместе, все образуется.

– Не могу, мама, в Баку тоже не все в порядке. И там многие знают, кто я по национальности. А здесь постараюсь устроиться, все будет хорошо, и ты будешь в гости приезжать. Давай не будем больше про это, хорошо? – попросил Арсен.

Позже, провожая мать на вокзале и обнимая ее перед дорогой, он вздохнул с сожалением, что пришлось не говорить ей истинную причину, из-за которой он решил остаться в Латвии, в Риге. Он был очень недоволен собой, что попал в такую ситуацию, и по глупости чуть не сел за чужие грехи. И сидя в тюрьме, он решил доказать самому себе, прежде всего, что он способен сделать что-то дельное и достойное, что поднимет его в своих же глазах.

Глава 21 ГКЧП в Москве

Шел 1992 год. После освобождения прошло десять месяцев. В обычно прохладной Риге это лето было знойным, и особенно жарким выдался август. Асфальт днем буквально плавился под ногами, но ночью опускался густой туман, и Рига как будто укрывалась белым одеялом. Арсен собирался на выставку «Продмаш» на Красной Пресне в Москве. Ему надо было забрать там оборудование для производства, которое он заказал у европейцев. Он договорился с Клаусом Майером, директором немецкой фирмы, что забирать будет выставочные образцы и за это получил большую скидку. Наличными надо было везти большую сумму, поэтому он никого не предупредил о своем отъезде, чтобы лишний раз обезопасить свой отъезд. В его машине, «БМВ» пятой модели была сделана ниша в районе бардачка, куда был вварен небольшой тайник. Найти деньги несведущему было невозможно. В одно туманное сырое утро августа Арсен выехал в Москву. За этот период после тюрьмы это была уже пятая поездка в Москву, и он ехал на хорошей скорости, умело входя в знакомые повороты. Через 8 часов он был в Москве. Было 10-е августа.

В Москве что-то происходило. В новостях показывали столпотворение людей возле здания Государственной Думы, какой-то депутат по фамилии Ельцин пошел наперекор действующему президенту Горбачеву. Назревало какое-то действие, и в воздухе повисло напряжение, которое грозило взорваться ежечасно. Курс рубля начал стремительно падать. До выставки оставалось несколько дней. Сидя в гостинице и не отрываясь от экрана телевизора, Арсен не рисковал, и не выходил никуда, решив пересидеть до открытия выставки в номере. Случайно узнав от своей матери, что ее племянница работает администратором в ведомственной гостинице «ЗиЛ» в Москве, он приехал именно сюда. Первые радостные объятия с двоюродной сестрой Светланой, воспоминания о детских совместных играх в Варташене у бабушек, и разговоры о присутствии Арсена на свадьбе Светланы в ее родном Чухурьюрте: – все это окунуло его в далекое безоблачное детство и как-то скрасило его пребывание в гостинице.

Вечером показывали срочное сообщение. Был образован ГКЧП и какие-то генералы и несколько министров взяли власть в свои руки. Внимательно разглядывая беспокойные лица этих людей с бегающими глазами на экране телевизора, Арсен поймал себя на мысли, что это ненадолго. Эти люди с такой физиогномикой не удержатся и нескольких дней у власти. На следующий день, дождавшись пика падения курса рубля и разбив сумму в валюте на несколько частей, чтобы не смущать работников меняльных контор он поехал в город. Обменяв всю сумму на рубли, через два часа Арсен вернулся в гостиницу. Купив шампанское, фрукты и конфеты он решил обсудить и отметить новые события с сестрой. Вечером, сидя в компании молодых людей, знакомых сестры, они резались в преферанс, иногда поглядывая на экран телевизора. ГКЧП не продержалось и двух дней. Переворот не удался. К власти подобрался Ельцин. Если бы тогда хоть кто-нибудь представлял себе, во что выльется бывшему СССР правление Ельцина, думаю, нашелся бы человек, захотевший прервать его жизнь на баррикадах около Думы. А тогда все были в эйфории предстоящего братания с Америкой, и громогласное: – ура-а-а!!!, тысяч людей звучало на площади перед Думой со стоящими танками и БТРами перед баррикадами с защитниками демократии. Знали бы они, кого и что тогда защищали...

Прошло два дня, курс рубля стабилизировался, и Арсен снова обменял рубли на доллары. За три дня он заработал около 20-ти тысяч долларов. Обрадовавшись, что сможет взять еще и вакуумный тандем-упаковщик на вырученные деньги, он поехал на встречу с Клаусом на выставку. Дороги Москвы были переполнены и во многих местах пришлось еще и в пробках постоять. Если бы не наличные, лежащие в тайнике, Арсен с удовольствием прогулялся бы по городу пешком, откуда он уехал почти два года назад. Но зная криминальный контингент столицы образца 90-х годов, он никуда не выходил с машины до самого выставочного комплекса.

Прибыв на место, первым делом направился в секцию фирмы EMF GmbH, которая располагалась в центре громадного павильона. Клаус, увидев Арсена, вышел из-за стола ему навстречу. Обменявшись приветствиями, они присели за столиком для гостей в углу германской секции и продолжили беседу на английском.

– Мне надо передать тебе деньги, как договаривались – наличные, в обмен на скидку в 6% от суммы. И я заберу еще вакуумщик, деньги нашел, – улыбаясь, Арсен потянулся к дипломату.

– Ты привез их сюда? ты точно безбашенный, creazumen. Как тебе удалось провезти их через две границы, и тебя пропустили? – ошарашенный Клаус испуганно оглядывался по сторонам.

– Да успокойся уже, все в порядке. Я не настолько сумасшедший, чтобы принести их сюда. Они в надежном месте. Просто мне нужно знать место, где их тебе передать, – Арсен дружелюбно положил руку на плечо собеседника, – ну так где?

Они договорились встретиться около посольства Германии в шесть вечера. Еще раз подтвердив оборудование по списку и добавив в него новый упаковщик, он пошел прогуляться по павильонам других стран и фирм. После того, как в стране была объявлена гласность и демократия, иностранный капитал рванул в Россию за сверхприбылями. После шести лет руководства страной Горбачев развалил ее до такой степени, что элементарные консервные банки было не на чем делать – все оборудование было разграблено, растаскано или продано за копейки их же производителям за рубежом. Они его у себя восстанавливали и перепродавали с 500% прибылью. Такого результата спецслужбы западных стран даже не ожидали, в течении семидесяти лет строя планы развала огромной сильной страны. Громадное количество фабричных и заводских корпусов по всей территории бывшего Союза были пусты и зияли огромными выбоинами на месте демонтированных станков и вспомогательного оборудования. Одно из таких зданий было куплено и фирмой Арсена у обанкротившегося фермера. Арсен решил построить в нем пищевой комбинат с самым современным оборудованием на тот момент. Первым на очереди был мясоперерабатывающий цех мощностью до 10 тн в сутки. Оборудование стояло в павильоне Германии на выставке в России.

Прогуливаясь по павильонам и присматриваясь к станкам интересующих его пищевых направлений, Арсен случайно встретил Ашота, армянина из Риги, дядя которого поставил в Латвии, в Даугавпилсе завод по изготовлению напитков и соков в Тетра-Пак упаковке. Они познакомились в Риге на заседании комиссии по развитию пищевой отрасли. Обменявшись новостями и поделившись впечатлениями от увиденного на выставке, они прошли к своим автомобилям. У Ашота было сопровождение из двух охранников. Тогда Арсену показалось это странным.

Вечером, после назначенной встречи и передачи денег по контракту, Арсен с Клаусом сидели в ресторане «Ереван» на углу Тверской и обсуждали, что будут пить за ужином.

– У меня с собой классное вино из Бразилии, «Планета Обезьян», тебе обязательно надо попробовать его, аромат и привкус незабываемый, – Клаус потянулся к портфелю и достал вино.

С интересом рассмотрев необычное вино с выпуклым серебряным изображением обнимающей бутылку обезьяны, Арсен сказал, – если отдашь, с удовольствием возьму для коллекции, но пить будем армянский коньяк и есть армянскую еду, я ведь тебя пригласил, и угощаю тоже я.

Отметив сделку за ужином и с улыбкой вспоминая, как в уборной Германского посольства считали деньги, новые друзья, заручившись информационной поддержкой друг друга, разъехались по гостиницам. Через три дня выставка была закрыта и три фуры с новым оборудованием взяли курс на Ригу. Груз был задекларирован как выставочный, и, беспрепятственно проследовал через границу.

Глава 22 Первый сын

У Арсена в Риге были еще друзья. Они были знакомы с самого детства еще, с Баку. Два брата, еврея, содержали в Риге магазин одежды. Они случайно встретились в вагоне-ресторане поезда Рига – Москва. Арсен тогда почти через день ездил в Москву в в офисы западных фирм-поставщиков, искал оборудование. После бурных объятий друзья детства расположились за одним столиком и стали осыпать друг друга вопросами. Братья – Арис и Максим были погодками. Их мать занималась спекуляцией (тогда так называлась перепродажа вещей с целью наживы) дружила с мамой Арсена, и очень часто уступала ей в цене за вещи, присланные ей родственниками из Израиля.

После получасовой беседы вдруг Арис спросил у Арсена, —

– А ты Таню давно видел?

– Какую Таню? – спросил он.

– Максимова, забыл уже, что ли? – смеясь Максим похлопал Арсена по руке, – А как она бегала за тобой? – мы же у ее соседки этажом выше по репетиторству занимались, и все про вас знаем. Видели, как вы уединялись, когда ее мама уходила на работу, и появлялся ты. А ты ничего и не подозревал, ну да, ослепленный Ромео в гостях у куртизанки. Она теперь вышла замуж за одного еврея, старше нее лет на сорок. Ее мать пристроила. Они переехали в Варшаву и теперь живут там.

– А откуда вы все знаете в таких подробностях? – удивился Арсен.

– Так мы же в месяц по два раза в Варшаву за шмотками мотаемся, а ее муж оптовик и снабжает нас товаром. Надо ей обязательно про тебя рассказать, столько раз спрашивала. А у нее еще сын есть, и про это не знаешь? – Арис удивленно переглянулся с братом, – ты должен был знать.

– Да мы же с ней особо и не встречались, она говорила, что у нее взрослый жених есть, который ее всем обеспечивает. Она просто была первая у меня. Я еще совсем пацан был, – Арсен задумавшись, сказал, – а насчет сына я знать не мог, она внезапно куда-то исчезла, даже не сообщив об отъезде.

– Короче, парень, слушай, – у нее от тебя сын, твоя точная копия, мы прямо обалдели, когда увидели, – загадочно улыбаясь, Арис уставился на друга.

Арсен впал в ступор. Услышанное никак не укладывалось у него в голове. Татьяна была старше него лет на восемь, они с ней познакомились на комсомольском слете. Она была инструктором в их группе и спортивный, не по годам выглядевший парень очень ей понравился. Арсен тогда еще не имел сексуального опыта, и это еще больше подталкивало ее к нему. Буквально затащив его в постель, она делилась с ним, чем могла, стараясь казаться опытной наставницей. И в один день исчезла. Соседи сказали, что уехала с мужем за границу. А теперь сын... нет этого не может быть, – думал он.

– Хватит что ли, давай отметим встречу, – весело гоготали друзья детства, – разливая «Метаксу» и теребя Арсена, – ты сам не свой. Мы тебе номерок ее дадим, позвони обязательно, разузнай.

Уже позже, на вокзале, обменявшись телефонами и получив от братьев телефон и описание магазина Татьяны, Арсен долго сидел в машине, раздумывая над услышанным. Желание увидеть Татьяну и узнать про сына росло в нем все больше и больше. Найдя в своем графике три свободных дня, он поехал в Варшаву.

Глава 23 В Польшу

Толпы челноков осаждали пограничный пункт на границе Белоруссии и Польши. Дорога на несколько километров со стороны Польши была загружена вереницей машин, которыми управляли перегонщики, везя иномарки в Брест, где был огромный рынок железных коней. Здесь можно было встретить и наперсточников, и кидал, и простых покупателей, приехавших за дешевым автомобилем через всю Россию из разных уголков большой страны. Не попав в лапы к мошенникам, покупатель как будто вытягивал выигрышный лотерейный билет. По дороге пропадало, было ограблено, а подчас и застрелено очень много народа. Бизнес был кровавый и приносил несметные барыши криминальным авторитетам. Во всей этой массе особое место занимали челноки. Они везли в Польшу всякую всячину, за что можно было получить польские злотые, а после покупали на них всякое барахло, которое можно было продать в России и в странах бывшего СССР. Автобусы, набитые челноками, облагались данью со стороны криминала не раз и не два. Иногда, чтобы вырваться из цепких лап вездесущих бойцов разных криминальных группировок, люди отдавали последнее, чтобы добраться живыми до дома.

Арсен знал уже всю кухню этих пограничных переходов и времени долго не терял. Найдя старого знакомого еще по Рижской тюрьме, и сунув ему в карман сотку баксов «на общак», он через полчаса уже отъезжал от границы в сторону Варшавы. Доехав до рынка, указанного Максимом и Арисом, он вскоре сидел под зонтом в кафе, напротив магазина мужа Татьяны. Вскоре она появилась, выйдя из магазина, что-то эмоционально говоря ее спутнику. Она совершенно не изменилась, все такая же взбалмошная, какой была всегда. Он встал из-за столика и направился по направлению к ней. Увидев его, она застыла с каким-то пакетом в вытянутой руке. Клиент недоуменно смотрел на нее и взял пакет из ее рук. Подойдя к прилавку, Арсен улыбаясь, произнес:

- Хорошей торговли, хозяйка! – и не сводя с нее глаз, протянул букет роз.
- Откуда ты здесь? – только смогла сказать Татьяна, испуганно озираясь на магазин.
- Приехал увидеть сына, – просто сказал Арсен, – и тебя...
- Ядвига, постой за прилавком, – крикнув кому-то в сторону магазина, – я отлучусь на пол часика.

Через некоторое время они сидели за столиком в кафе, расположенном прямо над магазином Татьяны на втором этаже. На столе стоял кофе и два бокала с коньяком. Рассказывая друг другу все, что произошло с ними за прошедшие годы, смеялись, вспоминая как прятались от мамы Татьяны. Над ними вдруг зависло напряжение. Она первая начала разговор о сыне:

– Я не думаю, что тебе надо с ним видеться. Он совершенно не знает, ничего о тебе. Да и муж тоже. Он думает, что это его сын и обожает его. Я назвала его Алексеем, в честь отца. Умный, смысленный и не по годам развитый, весь в тебя. Когда я забеременела от тебя, сначала хотела сделать аборт, а после, когда будущий муж сделал мне предложение, я решила его оставить. Видел бы ты моего мужа. Страх господень. А Лешка похож на него только цветом глаз. Для мужа только вопрос, откуда у него кучерявые волосы. Я сослалась на отца, что у него были такие. А так он теперь хороший послушный еврейский мальчик. Я думаю, его не надо сейчас травмировать, вырастет – расскажу. Пускай сам решает. Прошу тебя, пусть пока все остается, как есть, время все расставит на свои места.

Арсен молча слушал Татьяну, иногда пригубляя бокал с коньяком. В глубине души он понимал ее, но желание увидеть сына перебарывало его.

– Дай хотя бы посмотреть на него, очень прошу. Я не скажу ему, кто я, – поверь. – он попытался успокоить ее. Но визави была непреклонна.

– Ты не понимаешь, он как две капли воды похож на тебя, и увидев тебя, сам обо всем догадается. Не надо травмировать психику ребенка для удовлетворения своих прихотей, я не

дам тебе его увидеть, не обижайся на меня, так надо. У нас хорошая, дружная семья, и не надо ее разрушать, – Таня нервно теребила кончик шарфика, накинутого на шею.

– Я благодарна тебе и судьбе за сына, искренне благодарна, и сейчас не время еще ему о тебе узнать, надо чтобы он окончил магистратуру, и у него прекрасное будущее. Прошу тебя, уезжай, не мучай меня и себя. Мне и так не по себе. – Таня одним махом осушив бокал, попросила официанта принести еще. Положив ладонь на руку Арсену, она тихо сказала:

– Не мучай меня, прости и уезжай. Пожалуйста. – голос ее задрожал и глаза наполнились слезами, – прошу тебя, не разрушай нашу семью.

Арсен не мог долго смотреть на плачущую Татьяну и собрался уходить. Он молча встал, оставив деньги официанту.

– Я уеду, но издалека то могу его хоть увидеть? – с надеждой в голосе спросил Арсен.

– Он сейчас не здесь, учится в Кельне, на бакалавра юриспруденции. Прости, но тебе надо ехать, муж может прийти – встав с кресла, произнесла она.

Через два часа Арсен уже ехал в сторону Бреста. Задумчиво глядя на пробегающие в окнах автобуса польские деревушки, он поймал себя на мысли, что в чем-то даже восхищается Татьяной. То, с каким упорством она защищала, свое семейное гнездышко, вызывало уважение. А сына он найдет, – обязательно найдет. Знал бы он тогда, как судьба все переставит в его жизни, и его встреча с сыном отложится на долгие года.

Глава 24 Комбинат

Мясокомбинат заработал. Три фирменных небольших грузовика с рефрижератором выезжали каждый день с территории комбината и развозили продукцию по всей Латвии. Были поставки и в Литву и Белоруссию. Но этого было недостаточная нагрузка на комбинат, и Арсен пошел ва-банк. Получив аудиенцию у министра сельского хозяйства Латвии, он пришел к нему на прием.

– Мясо как сырье в Латвии недостаточно. В предшествующие годы население, бедствуя, вырубил весь скот и воспроизводства нет. Моя фирма является одним из стабильных налогоплательщиков и поставщиков рабочих мест для местного населения. Для развития дальше мне надо больше сырья, а в Латвии его нет. Я могу завозить его с Белоруссии, но таможенные пошлины взвинтят цены на готовую продукцию, мне нужна квота на беспошлинный провоз сырья для переработки. В Латвии такого еще не было, это прецедент, но Вы можете это решить на уровне правительства, – убеждал Арсен министра. Для придания особого значения своей просьбы он придвинул запечатанную сургучной печатью деревянную коробку с армянским коньяком и приложил пакетик, уверенно пристукнув по нему пальцем, – я надеюсь, что Вы меня услышите.

Через неделю, получив из министерства сертификат-разрешение для своей фирмы на провоз мяса в Латвию без пошлины, Арсен наконец вздохнул свободно. Теперь сырьем его комбинат был обеспечен надолго. И дешевая цена на въезжавшее из Белоруссии мясо позволила ему вскоре встать на первое место в Латвии по продажам готовой местной продукции. Но тут произошло то, что впоследствии сильно ударило по экономике Латвии, и так еле переживающей разрыв экономических связей с Россией. В Латвии приняли новый закон о гражданстве. По этому закону Арсен больше не мог, будучи ни жителем и не гражданином Латвии, быть руководителем своей фирмы, или акционерного общества, которое было у него. Не мог купить землю под своим комбинатом. Нужен был житель или гражданин Латвии для наделения его директорскими правами.

У Арсена работала бухгалтером девушка, родом из Молдавии, из Гагаузии. Она еще в Советское время приехала в Ригу на трикотажный комбинат работать. И осталась жить насовсем. Арсен познакомился с ней на конкурсе красоты, где она заняла второе место. Молодые люди жили вместе. Поговорив с ней, он переделал уставные документы, и в итоге она получила больше процентов в уставном капитале, чем он. Но фактически ничего не изменилось. Иначе было невозможно. Через месяц, поняв, что готов выйти на российский рынок, Арсен уже мчался на своем «БМВ» в Москву.

После последнего приезда Арсена на выставку в Москву прошло уже полгода. На этот раз он взял с собой своего заместителя. В багажнике, в специальных контейнерах лежали образцы продукции и всевозможная рекламная продукция с логотипом его комбината. Ассортимент продукции был большой, и главной особенностью была вакуумная упаковка. Качество и цена не оставляли никаких шансов датской, голландской и финской продукции. Арсен ехал на сельхоз выставку, где его фирме было выделено место в павильоне «Производители мясной продукции и переработка мяса». Он ехал за победой.

Заместитель, Сергей, был знакомым его девушки – Татьяны. Она попросила Арсена взять его на работу, как очень ответственного и порядочного человека. Заплатив за него имеющиеся долги бандитам, и взяв с него слово не отвлекаться на другие занятия, он оформил его своим заместителем и понемногу вводил в курс происходящего на комбинате. Арсен понимал, что рано или поздно он физически не сможет одновременно заниматься всеми делами комбината и ему нужен был толковый и ответственный человек. Сергей, в принципе и был таким, но как показали дальнейшие события, этого оказалось недостаточным.

Посетителей на выставке было много. Оправившись от переходного периода от коммунизма к демократии, Россия начинала понемногу приходить в себя. Стали появляться торговые сети, открывались супермаркеты и им нужна была продукция, которая была бы конкурентоспособна с западными брендами. Арсен собирался предоставить им такой товар. Вскоре ему это удалось. К концу выставочных дней, продегустировав килограммы образцов и получив выбор между продукцией ведущих мировых поставщиков и Рижского комбината «Центаурус», многие остановили свой выбор за последним.

Арсен получил на руки несколько договоров о намерениях на сумму более миллиона долларов. Он был счастлив. Вечером, разговаривая с своей мамой, он наконец сказал причину, почему не уехал из Риги с ней. Он выдержал испытание и был готов работать еще и еще, чтобы двигаться к своей цели. Но за ним в Латвии уже наблюдали, и наблюдали с большим интересом.

Глава 25 Вопреки судьбе

На обратной дороге в Ригу случилось несчастье. Сидя за рулем своего автомобиля и ехав по трассе в лесополосе в Тверской области, Арсен внезапно увидел выезжающий на трассу длинномер с рефрижератором, который перекрыл ее всю. Дорога была узкая и возможности объехать грузовик слева по движению не было из-за деревьев вдоль трассы. Оставалась только возможность объехать грузовик справа по обочине... Когда грузовик вырулил полностью на дорогу, показался стоящий за ним на обочине автокран. Обочина тоже была занята. Арсен успел только развернуть машину боком и принять удар на свою сторону, чтобы спасти Сергея. Скорость была около 120-ти... Скрежет тормозов и темнота...

Очнувшись под наркозом на операционном столе, первое, что он сказал:

– Где мой дипломат? Пока я не увижу его, я не дам ничего с собой делать.

– Успокойтесь, молодой человек, я всего лишь хирург и не слежу за личными вещами.

Мне надо закончить операцию. И вообще, сестра, почему он под наркозом проснулся? Срочно маску! – врач нервно обратился в медсестре, ассистирующей ему.

Арсен упрямо крутил головой, не давая надеть маску.

– Черт возьми, принесите его дипломат, наконец! – крикнул врач, теряя терпение.

Медсестра выбежала из операционной. Сколько прошло времени, было непонятно, но вскоре появился Сергей с дипломатом. Он поднял его над головой и крикнул через порог операционной:

– Все в порядке, дипломат со мной, лежи спокойно, не беспокойся! – его дальше не пустили, и Арсен, успокоившись, провалился в какую-то бездну. Вскоре он снова очнулся, и чувствуя, что что-то зашивают у него на голове, шутя сказал:

– Слава богу, что хоть голова на месте, – и снова ушел в забытие. Через час, когда ему что вкручивали в колено, он проснулся и снова спросил:

– Хоть танцевать то смогу, или нет?

– Сможете, сможете, сестра- это что такое, он долго будет болтать под наркозом? – сердито сказал врач, – и снова забытие.

Арсен очнулся ночью после операции на кровати от жуткой боли в правой ноге. Старая кроватная сетка под ним растянулась, и нога в лангете больно пульсировала. Он попробовал повернуться, но прогнувшаяся сетка не давала повернуть ногу с лангетом. Полежав минуту, он, стиснув зубы, сполз на дощатый пол. Стянув с кровати подушку под голову и одеяло, он потерял сознание.

Авария произошла около поселка Кунья, на трассе Рига-Москва в Тверской области. Поселковая больница, куда привезли Арсена после того, как вырезали его ногу из искореженной левой стойки автомобиля, не была оснащена всем необходимым для таких случаев, и людей спасали благодаря личной самоотверженности врачей – хирургов.

Утром, делая обход палат, медсестра не обнаружила на койке поступившего вечером после операции тяжелобольного. Кинувшись в палату, она увидела его мирно спящим на полу с натянутым на ноги одеялом. Позвав санитаров, она попыталась положить его обратно. Но больной наотрез отказался. После завтрака к нему впустили Сергея с перевязанной головой. Поблагодарив господ бога за чудесное спасение Арсен решил не оставаться больше в больнице. Позвонив в Ригу, он вызвал специальную машину скорой помощи для перевозки его в Латвию. В ожидании машины он раза три набирал номер своей квартиры и офиса, – искал Татьяну, но ее нигде не было. Позвонив секретарше, он узнал, что она пару дней назад заказывала авиабилет на Кишинев. Он об этом ничего не знал. По приезду машины из Риги, он вызвал хирурга, делавшего ему операцию и поблагодарив его двумя сотенными долларами, попросил отпустить под свою ответственность. Вскоре они приехали домой.

Сергей помог подняться Арсену в квартиру, и уложив его на постель, поинтересовался:

– Может сиделку вызвать, Татьяны то нет?!

– Нет, не надо, я сам разберусь. Езжай домой, там уже заждались, наверное, – отправив Сергея домой, он наконец-то мог остаться со своими мыслями наедине. Поведение Татьяны ему было непонятно, и он решил позвонить ей домой, в Гагаузию.

– Я решила немного отдохнуть, родителей давно не видела, – ее ответ еще больше смутил Арсена, но он не подал вида, решив все разузнать самому. Вызвав на дом к себе своего знакомого врача, молодого аспиранта – еврея, он прослушал диагноз – резюме своего состояния. Сотрясение мозга, рваная рана на голове, гематома от удара об руль на груди, расколотое как орех, колено со вставленными титановыми скобами и перерезанными сухожилиями. Отдав должное искусству хирурга с Куньи, спавшего ногу Арсену и восстановившему сухожилия, друг потребовал от Арсена полного послушания. Принеся с собой следующий раз толстые жгуты, он сказал:

– Снимаем лангет и разрабатываем ногу. Будешь каждый день по два раза делать упражнения, сидя на стуле. Ты же любишь танцевать, так вот – не будешь делать упражнения, коленная чашка срастется под скобами, и будешь, как граф Пейрак*, хромать до конца жизни.

*граф Пейрак – хромающий лит.герой из романов Ги де Мопассана

Через два дня, немного оправившись после операции, Арсен сидел на стуле в холодном поту и чувствуя, как скобы прорезают себе канавку на коленной чашке, стиснув зубы, сгибал ногу руками. Он очень верил молодому врачу, и как оказалось позже, – сделал правильно, позволив снять лангет и делая упражнения, а не пролежав с перевязанной неподвижной ногой.

Глава 26 Мутные времена

Прошел месяц. Арсен сначала руководил комбинатом через Сергея, но дней через двадцать, соскучившись по работе, на костылях приехал в цех. Прогуляв по цехам и пообщавшись с работниками о насущных проблемах, он решил устроить совещание. Собрав в своем кабинете старших технологов и начальников смен, он спросил:

– Есть ли какие мысли по поводу увеличения оборота? Мощности позволяют, меня интересуют ваши мнения о необходимых мерах для этого... Чисто производственные шаги, необходимые для увеличения объема выпускаемой продукции. Логистикой и обеспечением займусь я сам. Слушаю Вас, – по порядку, пожалуйста.

Часа через два, обсудив все необходимые меры для обеспечения заключенных договоров о поставках с Россией, – Арсен, позвав секретаря, сказал:

– Через три дня, в клубе «Астория» на 12 дня вызовите всех акционеров, пожалуйста. Попросите от моего имени, чтобы обязательно были все.

Вечером позвонила Татьяна из Комрата. Поинтересовавшись о новостях, сказала, что еще пару месяцев побудет дома. Арсен не задавал много вопросов, он еще не получил полную картину происходящего с Таней, но не торопил события.

Утром, за день перед собранием, прозвенел звонок:

– Арсен, дорогой, как мне быть, – Ашот погиб... – рыдающий женский голос, всхлипывая произнес в трубку. Арсен сначала онемел. Представить себе всегда улыбающегося, очень осторожного во всем, – Ашота погибшим, – было для него трудно.

– Карина, прими мои соболезнования, извини, – я просто в шоке, как это произошло?, наконец смог произнести он, вспоминая недавнюю встречу с Ашотом в Москве. Ничего не предвещало случившейся трагедии.

– Он разбился на машине, на 20-м километре после границы с Россией, – сообщила она.

– На шестисотом мерсе, и Ашот... – никогда не поверю. Вечером приеду к Вам. Жди, все обсудим, – смутное подозрение промелькнуло у Арсена, но для полноты картины ему надо было узнать все известное о предшествующих этой трагедии днях.

Арсен по приезду из Куньи, приобрел неприметный Форд-Сиерру, чтобы хоть как-то передвигаться по своим делам. Разъезжать на такси он не любил, просто не доверял рижским таксистам, зная, что многие из них являлись доносчиками спецслужб. Вечером, подъехав к Ашоту домой, он заметил стоящий неподалеку «БМВ» с сидящими двумя людьми. Подойдя на костылях к кованной калитке дома, он еще раз оглянулся. Что-то происходило пока необъяснимое. После ответа в домофон, калитка открылась, и Арсен вошел во двор. На крыльце дома, увидев ковыляющего друга своего погибшего мужа, Карина снова запричитала:

– Что с тобой, тебя тоже хотели убить? – подняв к небу руки, чисто по-армянски эмоционально, вскрикнула она.

– Да нет, Карина, успокойся, пройдем в дом, – Арсен взяв костыли в одни руки, хромяя прошел в прихожую.

Войдя в широкий зал, Арсен заметил полусобранные чемоданы и завешенные простынями мебель. Во всем чувствовалось спешка и какое-то гнетущее напряжение.

– Так, успокойся, садись и рассказывай, – с уверенностью произнес он, – по порядку.

Оказалось, что месяц назад Ашота попросили помочь продать в Москве через родственников крупную партию баночного пива. Родственники Ашота в Москве имели большие оптовые базы. Попросили из «крышующей» конторы «Пардаугава». Ашот взялся помочь и с сопровождением поехал в Москву. До места разгрузки машины с грузом не доехали. Куда делись, никто не знает. Обвинили во всем Ашота. Он поклялся найти фуры и товар чего бы это ему не стоило. Благодаря криминальным связям дяди нашли фуры с товаром и раскрыли всю схему.

Он собирался ехать обратно в Ригу с документами и показаниями двух водителей. А тем временем здесь, на его заводе в Даугавпилсе появились вооруженные люди, которые изъяли всю документацию и никого на завод не пускают. Ашот позвонил перед выездом жене и сказал, что выезжает на машине и везет все документы. До Риги он не доехал. Вылетел на повороте в кювет, и машина перевернулась несколько раз. Никаких документов при нем не нашли. И в причине аварии указали алкогольное опьянение. Ашот вообще не пил, и это был не несчастный случай. У него просто отжали завод. По криминальному официально.

Ваген, дядя Ашота, прислал своих людей, чтобы вывезли Ашота жену с детьми. Гроб с телом уже вывезли в Москву. Безопасность семьи племянника была для него важнее завода. На улице и в доме везде стояли кавказцы в прикрывающей оружие одеждой. Как кадры один в один из «Крестного отца» с Карлеоне. Жуткая картина.

– Арсенчик, родной, уезжай отсюда, здесь беспредел, всех «не своих» убирают. И до тебя доберутся. Кто нам здесь поможет, даже бандиты все бывшие менты и из спецслужб, – жена друга с надеждой обратилась к гостю.

– Не беспокойтесь, Карина, езжайте спокойно, сейчас главное детей вывезти, – успокаивал Арсен мечущуюся по комнатам женщину. Он сам прекрасно понимал, что все что рейдерам было нужно от Ашота – они получили, семью бы они не тронули.

Обнявшись с Кариной и детьми и пожелав им благополучно доехать до Москвы, Арсен с тяжелым чувством покидал дом Ашота. Совсем недавно здесь в компании с друзьями они с Ашотом отмечали день рождения его младшей дочери. А теперь дети остались без отца.

После возвращения от Карины домой, Арсен стоя на балконе, всматривался в созвездия на ночном небе. Мерцание звезд напомнило ему одну притчу о звездах, что каждая звезда – это душа умершего человека, святящая нам сверху и напоминающая о скоротечности жизни. Где-то там и душа Ашота. Еще одного близкого человека он потерял. Мир праху его.

Глава 27 Предательство

Отсутствие Татьяны, у которой было 40 % акций против его 39 создавало определенную настороженность. Сложившаяся ситуация ему совсем не нравилась, и он всю ночь перед собранием думал о том, как обезопасить своих акционеров и себя от непредсказуемых действий так называемой «крыши». У Арсена тоже «крышевала» «Пардаугава». В принципе, другой-то альтернативы в Латвии 90-х не было. А ее состав весь был из «бывших» силовиков. Надо было выиграть время для того, чтобы сделать задуманное. В том, что Татьяна как-то была связана с «Пардаугавой» теперь у него не оставалось сомнений. Но как, – предстояло выяснить. Утром, рано проснувшись, Арсен поехал к себе на комбинат. Утро выдалось пасмурным и небо было затянуто серой дымкой облаков. Обычный день в Риге, ничем не отличающийся от других. У озабоченного возникшими проблемами Арсена было чувство, что он что-то пропустил, что-то очень важное и от этого ему становилось не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.